

Руслан Мельников
Операция "Танненберг"

Тевтонский крест

Руслан Мельников

Операция «Танненберг»

«Автор»

Мельников Р. В.

Операция «Танненберг» / Р. В. Мельников — «Автор»,
— (Тевтонский крест)

Позднее средневековье. Канун Грюнвальдской битвы. Но все идет не так. Все – иначе. Ощетинившаяся пиками швейцарская баталия и противостоящие ей австрийские рыцари сгорают в атомном пламени. Император Священной Римской Империи, вступивший в тайные переговоры с немецкими крестоносцами, расстрелян из пулемета. Здесь черные тевтонские кресты соседствуют с фашистской свастикой. Здесь несчастные мутанты объявлены исчадиями ада. Здесь с саперной лопаткой бросаются на закованного в латы рыцаря и с рогатиной – на мотоцикл. Здесь палят из гигантской бомбарды по бронетранспортеру и используют скорострельные арбалеты против «шмайсеров». Здесь бывший омовец Василий Бурцев должен спасти весь этот неправильный и такой хрупкий мир. Книга публикуется в новой, авторской редакции.

© Мельников Р. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	45
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Руслан Мельников

Книга шестая. Операция "Танненберг"

(обновленная авторская редакция)

Пролог

День 9 июля 1386 года выдался жаркий. Солнце палило немилосердно, раскаляя доспехи. Пот заливал глаза, и не было никакой возможности утереть его, не поднимая забрало. А идти с открытым лицом на сплошную стену блестящих лезвий и наконечников – нельзя: неминуемо лишишься глаза, а то и самой жизни. Впрочем, ни забрало, ни шлем, ни щит, ни прочные латы не спасали сейчас от уколов пик и сокрушительных ударов швейцарских алебард. И все же... Все же австро-германские рыцари Священной Римской империи дрались отчаянно, не щадя ни себя, ни противника. Рыцари трещавшего по швам государства, границы которого простирались от Амстердама и Любека до Марселя и Флоренции и которым нынче заправляли вовсе не римляне, а немцы, шли в атаку.

Рыцари сражались, глядя сквозь узкие смотровые щели бацинетов¹ и пелену едкого пота. Сражались в непривычном пешем строю. В этот день австрийцам пришлось покинуть седла. На пересеченном взгорье славная рыцарская конница – обуза и помеха, а вовсе не гарантия победы. А вот пехота...

Передовой отряд швейцарской пехоты, направлявшейся на выручку осажденному Земпаху, вышел на перекресток Хильдисриденских дорог неожиданно. Вероятно, швейцарцы двигались от Гисликонского моста и сами не ожидали столкновения с противником. Ополчение лесных и горных кантонов появилось во время привала. Войско Габсбургов под командованием Леопольда Третьего Австрийского только-только совершило переход от Сурзе вдоль Земпахского озера и готовилось к броску на Люцерн, когда все началось.

Швейцарцы – их, в общем-то, оказалось не так уж и много – заняли позицию на крутых Хильдисриденских холмах. Как раз там, где каменными клыками торчат из земли гигантские глыбы – развалины башни, возведенной в незапамятные времена то ли горными троллями, то ли гномами, но уж никак не людьми. Людям такие валуны не поднять.

Выбить врага с той высоты стремительной конной атакой не представлялось возможным. Предстоял бой в пешем строю, и рыцари герцога Леопольда торопливо срезали длинные носки башмаков. В обуви, шитой по последней моде, хорошо щеголять перед благородными дамами и можно даже успешно биться верхом на ровном ристалищном поле, но трудно штурмовать крутые склоны, на которых укрепился противник.

Сначала стройные ряды швейцарцев обстреляли австрийские арбалетчики. Затем в гору двинулись спешившиеся рыцари. Град камней и стрел не остановил тяжелую пехоту. Булыжники грохотали, ударяясь о щиты и шлемы, арбалетные болты свистели в воздухе, но закованные в латы австрийцы упорно продвигались вперед. И вверх. И выше, и еще выше...

Рыцари все же поднялись на холм. Закипела рукопашная. Швейцарцы дрогнули.

* * *

Сирена завывала. Сирена подгоняла.

¹ Прим: вид шлема, распространенный в 14 веке

В подземных лабиринтах народу было совсем немного. Почти всю охрану давно перевели на наружное несение службы. Чтобы не мешали, чтобы не видели лишнего и чтобы не болтали об увиденном. Внутри оставались только самые необходимые посты и патрули. Из посвященных, незаменимых, надежных и проверенных офицеров. Из нелюбопытных и исполнительных солдат.

Поэтому очистить и заблокировать коридор оказалось нетрудно. Теперь – дело за массивной бронированной дверью. Дверь заперта изнутри, и гарантированно высадить ее направленными взрывами можно, лишь зная уязвимые точки скрытой под броней конструкции замка.

Люди в противогазах знали. Они действовали уверенно и быстро. Резиновые «газмаски» образца 38-го года не мешали и не сковывали движений. Фильтры под подбородками, запотевающие пленки в очках, плотно прилегающие ремни на затылках. Сверху – каски... Казалось, возле двери колдуют не люди, а космические пришельцы. Числом ровно шесть.

Дверь не была покрыта ни противоманитной циммеритной обмазкой, ни грязью, ни цементом, а потому – шлеп, шлеп, шлеп... – кумулятивные заряды «Хафтхохлладунг 3» сразу и без проблем прилипали к голой стальной поверхности.

Трехкилограммовые воронки в простенькой жестяной рубашке держались на вертикальной плоскости прочно. Каждая – диаметром в пятнадцать см, а в основании – по три магнитных скобы.

Таковыми минами солдаты Вермахта подрывали на полях сражений советские танки. Такие запросто проплавливают кумулятивной струей тринадцать – четырнадцать сантиметров брони. Как минимум. Правда, чтобы поразить магнитным зарядом танк, необходимо под обстрелом подобраться к нему вплотную. Сейчас обстрела не было. Саперы стоят вплотную к бронированной двери. Мины полностью готовы к бою. Предохранительные кольца с магнитов сняты, капсули-детонаторы вставлены, синие – быстродейственные – терочные запалы вкручены в рукоять, защитные колпачки сорваны. Оставалось только дернуть запальный шнур. Шесть шнуров.

Четыре мины встали точно над сейфовым замком. Еще две – у самой кромки бетонной стены. Эти должны разнести крепления мощных петель.

Глухой неразборчивый выкрик из-под противогазной маски. Старший группы спрашивал о готовности.

Утвердительные кивки. Готовы все. Левая рука – на рукояти жестяного растреуба. Правая – вцепилась в шнур.

Глухая неразборчивая команда.

И – отмашка...

Шесть рук дернули одновременно. Двенадцать ног застучали по бетонному полу. Замедлитель горит недолго. До взрывов – четыре с половиной секунды. Но этого вполне достаточно, чтобы отбежать за изгиб коридора. Там, за поворотом, ждала штурмовая группа эзотерической службы. Лучшие солдаты и медиумы цайткоманды. Во главе с магистром службы, бригаденфюрером СС Томасом Зальцманом. Первым ответственным лицом цайт-проекта. Точнее, вторым. После рейхсфюрера Генриха Гиммлера.

Эзотерики тоже были в противогазах. Но без мин. При гранатах и «шмайсерах».

Четыре, три, два, один...

«Хафтхохлладунги» рванули оглушительной канонадой. Вздрогнули пол, стены, потолок. Полетели осколки, брызги расплавленного металла, куски колотого бетона. Рухнула тяжелая бронированная дверь, Издырявленная, прожженная насквозь, с сорванным поворотным колесом замка.

Дымящийся проем. Гарь, пыль... И клубящееся облако газа.

Путь в центральный хронобункер СС был свободен.

Смертоносный газ из бункера выходил наружу.

Внутрь вбегали люди в противогазах.

Со «шмайсерами» в руках.

* * *

Сражение было в самом разгаре. Спешившиеся австро-германские рыцари уже теснили с холмов авангард противника, когда в бой вступили главные силы швейцарцев. Выйдя к Хильдисридену и выстроив боевую баталию, они ударили сразу, с марша. Правильный квадрат – пятьдесят человек на пятьдесят человек – напал с правого фланга, стремясь расцезь отряд Леопольда Австрийского.

Прославленных в сражениях и турнирах рыцарей атаковала презренная пехота. Однако то была лучшая пехота Европы. Выходцы из горных и лесных районов Швейцарии, свободолюбивые, но дисциплинированные в бою солдаты и ополченцы союзных земель-кантонов не знали себе равных в рукопашной схватке стенка на стенку.

Однородная, оцетинившаяся пиками и алебардами, масса швейцарцев надвигалась на пестрое, разукрашенное яркими гербами, плюмажами, перьями, вымпелами и знаменами, прекрасно вооруженное, закованное в латы, но не привыкшее сражаться в общем строю войско индивидуалов.

Индивидуалы смотрели на построение противника в недоумении. О баталиях, громивших рыцарей при Моргартене и при Лаупене² слышали все, но вот видеть швейцарский строй воочию прежде доводилось немногим.

Такое еще было в новинку.

А новое – это хорошо забытое старое.

Больше всего атакующая швейцарская баталия напоминала знаменитую фалангу Александра Великого, о которой Европа уже успела позабыть. Простые солдаты кантонов не могли похвастаться ни древностью рода, ни турнирным мастерством одиночных боев, но они были сильны общим натиском и единой волей.

Баталия держала строй, словно и не люди в ней шли, а шахматные фигурки, одновременнодвигаемые по доске чьей-то незримой рукой. Под ритмичный стук боевых барабанов швейцарцы шагали затылок в затылок, древко к древку. Щитов не было. Ни у кого. Плотный строй и слаженность действий товарищей, что стоят справа и слева, спереди и сзади – лучше любого щита. А для хорошего удара алебардой или точного сильного укола пикой необходимо две руки. Две свободные руки.

Впереди – чуть выступив из строя – двигались лучшие воины баталии. Их было немного, но все они являлись гордостью кантонов, боевой элитой. Рослые силачи-трабанты в прочных шлемах и надежных панцирях, несли на плечах тяжелые двуручные мечи. Такими удобно обрубить или отклонять наконечники вражеских копий, подсекать ноги рыцарским коням, разбивать щиты и латы противника. Такими расчищают дорогу баталии в самом начале боя.

Владеть этим смертоносным оружием, превышавшим порой человеческий рост, мог не всякий. А потому трабанты получали самую высокую плату за службу и претендовали на лучшую долю в добыче. Если, конечно, выживали в мясорубке битвы.

Сразу за мечниками следовали шеренги пикинеров. Пикинеры тоже принимали бой первыми, а потому были защищены ненамного хуже австрийских рыцарей. Яйцевидные шлемы и широкополые железные шляпы, спасающие от рубящих ударов сверху, с седла. Кирасы, наплечники, наручи, поножи. И длинные – больше трех метров – пики на крепких, не чета хрупким рыцарским копьям, древках.

² Прим: бой у горы Моргартен произошел в 1315 году, битва неподалеку от городка Лаупена – в 1339 г. В обоих сражениях швейцарцы одержали победу над рыцарским войском. Причем, поражение при Моргартене потерпел дядя Леопольда Австрийского Леопольд Баварский.

Пиками щетинились также фланги и тыл, превращая баталию в неприступного «ежа». Внутри – в каре пикинеров – располагалась главная ударная сила – алебардщики в легкой броне или незащищенные вовсе, но послушные воле своих командиров.

Вооруженные двуручными топорами с колющим наконечником и заостренным крюком на обухе, алебардщики шли не столь плотно, как пикинеры, чтобы иметь достаточно места для замаха и удара. Граненые – не будут скользить в ладони – древка тяжелых алебард поднимались сплошным лесом. Солнце играло на широких заточенных лезвиях.

В самом центре баталии развевались знамена кантонов. Под знаменами толпились барабанщики, трубачи и неопытные молодые бойцы, задача которых – не столько драться, сколько обеспечивать общий напор.

Швейцарские арбалетчики, выбежав вперед, пустили стрелы в смешанную массу габсбургских рыцарей и тут же вернулись под прикрытие стройных рядов. Но стрелков, хоть и славившихся своим искусством, в баталии имелось немного. Швейцарцы делали ставку на рукопашный бой.

Помимо алебард, пик и арбалетов солдаты кантонов были вооружены длинными узкими кинжалами, которыми удобно добивать поверженного противника в латах. Впрочем, не только противника. Любое проявление трусости, попытка сбежать, сломать общий строй будет стоить жизни малодушному воину. Сосед по шеренге и сосед по ряду, не раздумывая, сунет под лопатку или в ребра паникеру заточенный клинок.

Это – не только верное средство против страха, но и суровая необходимость во благо всей баталии. Швейцарцы грозны и сильны единым ударом. Баталия же, взломанная беглецами изнутри, уже не способна противостоять врагу. Следовательно, беглецов быть не должно.

Целостность строя и боевой пыл в сердцах хранили также рассеянные по рядам палачи. Не те, презираемые, проклинаемые горожанами и селянами работники эшафотов, а уважаемые опытные и никогда не теряющие присутствия духа ветераны. Армейский палач выполнял неприятное, но важное дело. Или – что было, конечно, предпочтительно – не выполнял. Все зависело от того, давали ли соратники ли повод для кровавой работы. Палачи в баталии обязаны убивать любого, кто без приказа повернет назад. И об этом был осведомлен каждый, идущий впереди.

Впрочем, сегодня нужды в круговой поруче батальных шеренг и в палаческом заградотряде не возникало. Швейцарцы знали, за что сражаются, за что гибнут и за что убивают. Немцы вообще и австрийцы, в частности, являлись стародавними врагами вольнолюбивых кантонов, не желавших покоряться императору и его алчным вассалам. Уже более двух веков швейцарцы вели непрекращающиеся войны с германской империей, именуемой священной и римской, и конца этим войнам видно не было...

* * *

По поваленной бронированной двери прогрохотали сапоги. По знаку руководителя операции магистра Томаса Зальцмана, штурмовая группа ввалились в дымящийся проем.

Было очевидно: созданию цайтгоннеля – заветных, гостеприимно распахнутых ворот в прошлое и будущее – помешали. Кто-то прорвался в хронобункер. Похитил ценную пленницу. Устроил диверсию. И сорвал все планы. Но кто? И, главное – как?!

Противогазные маски и стволы «шмайсеров» вертелись из стороны в сторону. В свете ярких ламп, пронизывающих газовый туман, ничего не двигалось и не шевелилось. Под бетонным куполом не осталось ни одной живой души.

Только трупы магистров и медиумов эзотерической службы. И каменный круг платцбашни. И не улегшаяся еще багровая муть древней магии...

Неведомые диверсанты ушли. Вместе со своей добычей. А отсюда при запертых воротах имелся только один выход. И именно им воспользовались злоумышленники.

...Багровая муть древней магии...

И клубы газа, заполнившего все помещение – от бетонного пола до бетонного потолка.

Было, впрочем, кое-что еще. То, чего быть тут ну никак не могло. Утыканный стрелами гусеничный мототягач «Кеттенкрафтрад». С легким прицепом. И с тяжелым грузом. На прицепе лежал короб «атоммине».

Искуроченный, побитый, посеченный корпус. Вставленный в гнездо соединительной трубки запал с...

Люди в противогазах обступили прицеп.

... с часовым механизмом.

С запущенным часовым механизмом!

Который уже никак не остановить.

Штурмовики попятились. Что такое «атоммине», они знали. Сами ведь отправляли опасный груз в прошлое, предварительно пройдя секретный инструктаж по мерам безопасности. И вот груз вернулся. Обрато. На боевом взводе.

Частое – тяжелое и гулкое – дыхание под резиновыми личинами. Испуганные – невнятные и глухие – выкрики из-под газ-масок. Ужас в круглых стеклах окуляров...

Вперед выступил бригаденфюрер. Магистр эзотерической службы.

Томас Зальцман глянул на циферблат. И поднял руку с двумя растопыренными пальцами. То был вовсе не знак победы. Пальцы показывали «два».

Две минуты оставалось до ядерного взрыва.

Рука магистра чуть подрагивала.

* * *

Ревели боевые рога. Барабаны били чаще, сильнее. Топали сотни ног. Звенело железо. Главная баталия ускоряла шаг. Живой квадрат, оцетинившийся алебардами и пиками, уже не полз – бежал на пеших рыцарей. Воспрянул духом и авангард швейцарцев, почти оттесненный с холмов Хильдесридена за громадные мшистые глыбы.

Зажатое между двумя вражескими отрядами, войско Леопольда Третьего спешно перестраивалось. Подмога уже выдвигалась из-под стен осажденного Земпаха. Но – холмы, овраги, ручьи, канавы и обрывы на пути... По такой дороге даже самая быстрая конница не успеет вовремя.

– Частокол! Ставить частокол! – взрыкивал из-под забрала рыцарь с пышным плюмажом на шлеме. Размахивая длинным мечом, он пытался навести хотя бы подобие порядка в смешанных рядах австро-германцев.

Дорогие доспехи сверкали на солнце, многочисленная свита слуг, оруженосцев и телохранителей едва поспевала за своим сюзереном. Слева от ревушего мечника, стараясь не попасть ненароком под тяжелый клинок, держался знаменосец. Щит рыцаря и стяг над его головой украшал родовой герб Габсбургов: вздыбленный лев на золотом поле. Красный лев в синей короне.

Герцог Леопольд Третий Австрийский отдавал приказы:

– Ча-сто-кол! Линию! Вторую! Третью! Копейщики – вперед! Стрелки – назад!

Да, герцог принял верное решение. Герцог делал единственно возможное, что еще было в его силах: сплошной стеной ставил верных вассалов и союзников на пути противника.

Времени оставалось мало, и надрывающийся от крика Леопольд метался среди пятившихся рыцарей и латников и задыхался в раскаленном шлеме, снять который – нельзя. Теперь – никак уже нельзя.

Знамя с коронованным львом мелькало в первых рядах то там, то здесь.

Нет, остановить швейцарскую баталию Леопольд не надеялся, но вот задержать, пока не подойдет помощь из-под Земпаха... А задержать такого врага возможно лишь уподобившись ему. Не посылать на лес пик и алебард толпу пеших бойцов-одиночек, но выстроить перед швейцарцами преграду, хотя бы отдаленно напоминающую их собственную баталию – вот чего хотел герцог.

Самые опытные и сметливые рыцари поняли замысел герцога. Менее сообразительные просто последовали их примеру. Каждый ставил свое «копье»³ в общий строй. «Знамена»⁴ растягивались по фронту.

Делалось все сумбурно, наспех, неумело, но все же делалось. Неповоротливая и аморфная рыцарская фаланга не могла контратаковать противника, сохраняя собственное построение, однако наступательных действий от нее сейчас не требовалось. Сейчас важен был оборонительный бой. Сейчас нужно было просто стоять на месте и не дать швейцарцам вклиниться в свои ряды.

С криками и жутким лязгом баталия сшиблась с рыцарями. Неровная линия австрийцев прогнулась под напором швейцарцев, подалась назад, но все же выдержала первый – самый страшный – удар.

Трабанты усердно рубили копейные наконечники и шлемы с опущенными забралами. Пикинеры ворочали тяжелые древка, пытаясь пробить брешь в неровной стене вражеских щитов и лат. Алебардчики единым махом сбивали рыцарей, просочившихся меж пик. Однако габсбургское войско стояло насмерть, лишь в стойкости видя свое спасение.

И натиск баталии слабел.

Барабаны стучали громко, все настойчивее трубили трубы, задние ряды нетерпеливо давили на передние, но швейцарцы увязали, швейцарцы утрачивали разбег, силу, напор. Редкие, но беспощадные арбалетные болты, пущенные австрийскими стрелками почти в упор, разили наповал, сбивая порой в плотном строю по два-три человека. Каждый шаг давался с невероятным трудом. А идти приходилось по трупам, невольно смешивая собственные ряды. Идти, чтобы снова и снова упираться грудью в копья врага.

* * *

Магистр эзотерической службы СС Томас Зальцман все же совладал с первым приступом паники и теперь быстро отдавал команды. Быстро и молча. Знаками. Не полагаясь, что его мычание под резиновой газ-маской поймут правильно. Не доверяя собственному пересохшему горлу.

Командовал магистр левой рукой. Правая по-прежнему держала враспырку два пальца...

Две минуты. Только уже не полных.

...и вымуштрованные подчиненные понимали бригаденфюрера без слов.

Большой и указательный палец сомкнуты в «0». Это – не о'кей. Это – план Нуль. Нулевой вариант. Кодовое название «Анкер-менш». Вообще-то предполагалось, что «человек-якорь» будет использован для нужд цайткоманды иначе и не в столь экстренном порядке. Но сейчас приходилось импровизировать на ходу.

Секунда ушла на раздумья: кому отправляться в путь? Самому – спасаться, бросив все, как есть. Бросив хронобункер и ядерный заряд в нем.

Быстрый взгляд на платц-башню, окутанную быстро тающим багрянцем.

³ Прим: личный отряд рыцаря, состоящий из нескольких слуг, оруженосцев и стрелков

⁴ Прим: боевая единица крупных феодалов, в которую входили несколько «копий»

Или отправить ее – взгляд магистра-бригаденфюрера скользнул по «атоммине».

Возобладало чувство долга. И соображение элементарной безопасности. Что будет в конце пути? Неизвестно. А значит...

Левая рука магистра указала на мототягач «Кеттенкрафтрад» с атомным грузом в прицепе. На магическое кольцо древнего мегалита. Ткнула в ближайшую газ-маску.

«Ты! Садись! „Атоммине“ – в платц-башню! Выполнять! Быстро!» – беззвучно вещала левая рука.

И один палец из двух поднятых на правой согнулся. Переломился посередке.

Оставалось полторы минуты.

Полугусеничный мототягач завелся сразу, с полоборота. Затарахтел, сдвинул с места атомный груз, поехал – медленно, куда медленнее, чем хотелось бы. Развернулся по крутой дуге...

Кто бы тут не побывал, у него не хватило ума вывести технику из строя. Или не знал как, или счел, что в этом нет необходимости. А может, торопился слишком. Как вот они сейчас.

Бригаденфюрер чувствовал противный липкий пот под формой. Можно успеть! Еще можно. Для цайт-прыжка с использованием астрального следа «человека-якоря» не требовалось ни ментальной поддержки медиумов, вогнанных в транс, ни шлюссель-башни, ни шлюссель-менша. К тому же над платц-башней пока еще висит багровое марево. Кто-то выполнил самую трудную часть работы, и вновь пробудить арийскую магию будет теперь совсем просто. Короткое, грубое, мощное заклинание – вот все, что требуется.

Все.

Все!

И – пустить «атоммине» с тикающими часиками по следу беглецов. По следу, который еще хранится в памяти всеобъемлющего астрального поля, пронизанного магическими путями.

Едва ли заряд взорвется рядом с теми, кто оставил его в хронобункере. Настолько рядом, чтобы достало! Это маловероятно. Это требует поиска, указания точных координат и большего времени для подготовки. На это нужно слишком много магических мантро-символов. Слишком долго придется плести замысловатую вязь.

Некогда!

Некогда!

Не-ког-да!

Сейчас главное – выбросить, выпихнуть. Мощным магическим толчком. Прочь!

Да, «атоммине» отправится следом за неведомыми диверсантами, устроившими все это. Но приближение на финише будет весьма условным. И во времени. И в пространстве. Во времени такое приближение измеряется десятками лет. Вперед и назад. В пространстве – десятками километров. В самые разные стороны.

И – множество случайностей.

И – уйма неучтенных поправок.

И – будь, что будет!

* * *

Брешь! Нужна была хотя бы малая брешь, чтобы расколоть вражеский строй, превратить его в бесформенную массу, смять, разрубить, растоптать.

Но бреши не было. Австро-германские рыцари стояли насмерть. Они не давали ломившейся вперед баталии шанса. Не давали пока...

– Унтервальден!

Двуручный меч в рост человека, брошенный с нечеловеческой силой, описал в воздухе гудящую дугу. Рыцарь, что попал под удар тяжелого обоюдоострого снаряда, не устоял на ногах. Но один сбитый человек – недостаточно для прорыва.

– Унтервальден!

Швейцарец, отчаявшийся рубить своим двуручником копейные острия и выступивший из передних рядов, был высок и широкоплеч. Теперь он был безоружен, этот швейцарец, но его оглушительный возглас заставил вздрогнуть и рыцарей, и солдат баталии. Подняв и разведя руки в стороны, будто медведь, вставший на задние лапы, громогласый великан без страха, вразвалку шел на врага. На копья врага...

– Э-э-эрни-и-и! – раздалось за спиной безумца.

Да, не узнать рослой фигуры Арнольда Винкельрида – предводителя воинственных кланов из Унтервальденского кантона – было невозможно. Тут не требовалось ни гербов, не знамен. Достаточно было видеть саженную спину и мощные, словно жаждавшие объять весь мир, руки.

Арнольд не обернулся на предостерегающие оклики, только махнул призывно. И – снова боевой клич кантона:

– Ун-тер-валь-ден!

Винкельриду верили. Швейцарцы ринулись в атаку с новой силой. Многие недоумевали, зачем вожак унтервальденцев бросил оружие, зачем идет на верную погибель, но недоумение это лишь множило ярость.

Арнольд Винкельрид прыгнул, подставляясь под удары врага. Шлем, кольчуга и панцирь – хорошая защита. Но это – если в плотном строю. А если вот так – впереди всей баталии, даже без щита. И без меча даже...

Одинокая беззащитная цель была слишком соблазнительна. Не усмотрев в действиях великана подвоха, а лишь отчаянное безрассудство, сразу несколько австрийских копейщиков направили в безумца стальные жала.

Он ждал этого...

Обоими руками Арнольд обхватил более полудюжины копий. Крепко обхватил, прижал к груди весь смертоносный пучок. Два или три наконечника пробили доспех. А может, четыре, или все пять, скрежетнув по металлу, отыскивали податливую плоть. Но...

Арнольд кричал, наваливаясь на острия, Арнольд падал, не разжимая рук. И увлекая за собой копья. И копейщиков, тщившихся вырвать оружие из объятий умирающего.

Долгожданная брешь во вражеском строю появилась! Несколько немецких копий еще пытались преградить проход, но длинные пики швейцарцев пригнули их к земле. Заработали алебарды, расширяя пролом в рыцарском «частоколе».

* * *

Когда полугусеничный мотоцикл втащил, наконец, «атоммине» внутрь каменного круга, бригаденфюрер уже сгибал второй палец...

Тридцать секунд! Им оставалось всего тридцать секунд!

...и бормотал под противоголом.

То самое заклинания. Самое короткое. Самое сильное.

Самые мощные магические формулы.

Ему помогали. Кто хотел жить. А жить хотели все. Вся штурмовая группа эзотерической службы в полном составе.

Монотонный, глухой и невнятный звук доносился из-под газ-масок. И не важно было, что не разобрать слов. Важно их произнести. Высказать. Запустить колдовскую реакцию. Прежде чем начнется реакция атомная.

Багровая пелена над платц-башней густела. Становилась плотнее и ярче. Магический кокон восстанавливался заново – быстро, стремительно.

Водитель «Кеттенкрафттрада» взвыл – дико, истошно. Он тоже хотел жить. И он понял, что его не ждут. Ждать одного, когда гибель грозит всем?! Когда счет идет на секунды?! Когда – неумолимый обратный отсчет перед ядерным взрывом?!

Он попытался вернуться. Выбраться из каменного круга.

Но пустая противогазная сумка зацепилась за мотоциклетный руль. А поверх сумки – ремень «шмайсера», так что сразу и не сбросить.

Сумка держала крепко. Человек в газ-маске, напуганный видом расплывающегося мира, ослепленный колдовским сиянием паниковал. Человек дернулся раз, другой...

И исчез.

Растворился.

Вместе с мототягочем.

С «атоммине» вместе.

* * *

Герцог Леопольд оказался у взломанного строя одним из первых. На свою беду. Знаменосец следовал за ним по пятам и потому тоже жил недолго. Телохранители герцога не успели прикрыть ни господина, ни его штандарт.

Две швейцарские алебарды ударили одновременно.

Первая подсекла стяг с гербом Габсбургов. Стяг упал.

Вторая обрушилась на щит с красным львом в синей короне. Располовинила щит. И льва, и корону.

Потом ударили еще две алебарды – из следующего ряда. Одна сразила знаменосца. Другая – срубила яркий плюмаж и смяла шлем на голове Леопольда Австрийского, повергая оглушенного герцога наземь.

И еще два удара. Оба обрушились на распростертое тело Леопольда, добивая. Добили... Никакие латы не способны устоять под тяжелым топором на длинной рукояти. А до чего хорошо бить таким топором в строю!

Баталия строя не теряла. Не теряла и ритма боя. Одна за другой, как молоты в чудовищной кузне, поднимались и опускались страшные швейцарские алебарды, обагренные германско-австрийской кровью. Швейцарцы уверенно ковали свою победу.

Доковывали...

Уже бежали, бросив рыцарей, забыв о долге, чести и верности, перепуганные оруженосцы и слуги, которым надлежало охранять лошадей. Отряд Леопольда Австрийского, видя падение герцогского знамени, развалился, раскололся на части и отступал в панике. Поворачивала коней и подмога из-под Зепмаха, так и не добравшаяся до Хильдисриденовских холмов.

А швейцарская баталия наступала. Преследовала противника, разила в спину. Колола и рубила... Победа была явной, полной, неоспоримой. И эту победу в жаркий день 9 июля 1386 года у союзных кантонов отняли.

* * *

Вначале в тылу швейцарцев – на холме, где торчали из земли каменные клыки – взыграли яркие кровавые отблески разверзающейся огненной геенны. Потом возникла диковинная бесконная повозка. Две повозки, сцепленные воедино. Потом посланник ада с огромными круглыми глазами и страшным ликом демона преисподней соскочил с передней повозки на землю. Побежал, глухо взрыкивая, споткнулся. Упал. Покатился...

Потом...

Остальное войны, сражавшиеся у Хильдисридена, узреть уже не могли.

Зато со стен Земпах и Сурзе, из Люцерна и Гисликона, с берегов Рейса и с Бальдекерских гор видно было, как над перекрестком Хильдисриденских дорог вдруг вспыхнуло и вспылало второе солнце. Куда жарче, куда ярче, куда страшнее небесного светила, чей диск, казалось, сразу померк и остыл.

Зародившийся в каменном круге древних развалин, огненный шар взбух до невероятных размеров, испепелив в мгновение ока и швейцарскую баталию, и отступающую армию Габсбургов, не оставляя ни живых, ни мертвых, лишь оплавленный камень и срытые скалы.

Тугой плотный узел ослепительного пламени обратился в нестерпимо яркий нарост на содрогающемся теле земли. Нарост этот все ширился, ширился...

Чудовищный тигль пожрал Хильдисриден. Дым и пыль гигантским грибом взметнулись выше горных хребтов, затмили солнце, закрыли небо.

А потом пошла огненная волна. Слепящая, сжигающая. Сносящая все на своем пути. Горели леса, шипели, исходя паром и высыхая, ручьи, реки, озера...

Вихрь пламени и жаркого ветра срыл до основания и сбросил в обмелевшее Земпахское озеро осажденный город. Вместе с осажденными и осаждающими. Вихрь выплеснул из берегов Рейс – прямо на раскаленные камни. Вихрь снес Гисликон и Гисликонский мост. Вихрь докатилась до Сурзе и Люцерна, разметав стены, обрушив башни, оставив после себя руины и пожары.

А после между трех озер – Земпахским, Бальдекерским и Фирвальдштетским, на берегу которого прежде располагался крупный город Люцерн, долго стояло багровое марево. И днем, и ночью. Не один месяц стояло. А в окрестностях в страшных мучениях умирали люди. А те, кто уцелел обходили проклятое место дальней дорогой.

– Швейцарцев покарал Господь! – утверждали в Священной Римской Империи.

– Габсбурги поплатились за посягательства на наши земли, – говорили вольнолюбивые горцы.

– Дьявол поспособствовал швейцарским голодранцам, – рассуждали немецкие и австрийские рыцари в своих замках.

– Герцог Леопольд призвал на помощь силы ада, – объявляли вожди кантонов и управители швейцарских городских общин.

Глава 1

«... шлюссель-менш... ментально-магический транс... астральная кодировка... контрольные тесты... эксперимент завершен успешно... анкер-менш»...

И это все – касательно Аделаиды.

Папка Генриха Гиммлера, похищенная из допросной камеры, была пухлой. Документов в этой папке со свастикой хранилось много. Но омовенец, рыцарь и княжеский дружинник (все это, впрочем, осталось в прошлом... или в будущем – это как посмотреть.) Василий Бурцев давно выделил главное. Самое важное.

Уединившись за лагерем, он в который уже раз пробежал глазами строки четкого немецкого шрифта. С ясными формулировками. Доступными даже непосвященному. Наверное, Гиммлер – ему ведь и предназначалась эта информация – был не очень посвященный. Не самый. Хоть и возглавлял могущественную структуру. Такое бывает...

Бурцев снова просматривал, то, что знал наизусть.

А получалось так...

Эсэсовские мозго- и душекопатели устроили малопольской княжне Агделаиде Краковской сеанс ментально-магического гипноза вовсе не для беспроблемной переброски небольшой группы цайт-беглецов из Иерусалима тринадцатого века в центральный хронобункер СС двадцатого. И даже не для допроса с экстрасенсорным пристрастием. Не только. И не столько для этого, по крайней мере. Нет, с дальним прицелом все было проделано. С очень-очень дальним.

В хронобункере цайткоманды, будучи безвольной куклой гиммлеровских эзотериков, Аделаидка перестала быть шлюссель-меншем. Еще прежде, чем взорвалась «атоммине». Она потеряла то, что дала ей магическая башня в замке Взгужевежа. Не по своей воле, но потеряла.

Сущность человека-ключа у нее забрали, вытянули, вырвали с корнем. Перекачали...

Нашлись спецы в эзотерической службе!

... чтобы вручить другому.

Другим был... Ну, конечно же, очередной магистр от СС.

В большом чине. Бригаденфюрер. Некто Томас Зальцман. Вот оно, его имя – черным по белому.

Получив ключ, магистр Зальцман был немедленно закрыт мощной астральной защитой от любого внешнего магического воздействия. Такой же защитный кокон, кстати, окутывал и личный сейф Гиммлера, где хранилась неприкасаемая эвакуационная шлюссель-башня.

Аделаиду же, на которой еще лежала печать древней магии – всего лишь печать, не более, – после изъятия ключа накачали по полной. Пока малопольская княжна находилась в транс, количеству заклинаний, произнесенных над ней, могли бы позавидовать чернокнижники всех времен и народов. А уж сила этих магических формул... Чернокнижники, не имевшие дело с эзотерической службой СС, наверное, и не подозревали о такой!

После астрально-ментально-магическо- и хрен знает какой еще обработки Аделаида из живого ключа стала живым якорем. «Анкер-меншем». Живым и очень-очень многофункциональным якорем. Более универсальным, чем те, что ставились и использовались цайткомандой на платц-башнях. Насколько шлюссель-менш был предпочтительнее шлюссель-башни, настолько и анкер-менш превосходил обычное якорь-заклинание, произнесенное в арийских развалинах, что пропитаны древним колдовством до последнего камешка.

Одна из функций, которую должна была выполнять Аделаида, обозначалась как континуумный стабилизатор. Такой термин употреблялся в секретных докладах. А суть его... Суть заключалась в следующем.

У некоторых фашистских эзотериков имелись сомнения по поводу устойчивости искусственно создаваемой структуры, которой надлежало пронзить пространство и время и открыть заветный цайт-тоннель. Слишком большие и непредсказуемые силы должны были высвободиться при взрыве «гроссе магиш атоммине» в колдовской башне перехода. А управиться с ними... Это было возможно – в теории. Но чтобы обезопасить массивированное хроновторжение цайткоманды на практике, планировалось использовать Аделаиду для укрепления нужных участков цайт-тоннеля. По плану Нуль, носившему также кодовое название «Анкер-менш».

Аделаиде надлежало вступить в цайт-тоннель первой. Самой первой. Нулевой единицей. Впереди авангарда цайткоманды. Вступить на незримом поводке, ибо даже бывший обладатель магического ключа был навеки связан в астрале со своим шлюсселем, а значит и с его новым владельцем – магистром-бригаденфюрером Томасом Зальцманом.

Новая континуумно-стабилизирующая сущность Аделаиды образовывала защитный кокон в любых пространственно-временных координатах, где оказывалась малопольская княжна. Анкер-менш, пройдя первым через столетия, давал возможность эзотерической службе СС перебрасывать следом – в выбранный временной отрезок – любые силы, вне зависимости от уровня надежности цайт-тоннеля. Магический кокон анкер-менша был сродни тому, что окутывал Томаса Зальцмана и сейф Гиммлера, но гораздо значительнее, на много порядков мощнее.

Высвобожденная взрывом «атоммине» магическая энергия могла бушевать и бить ключом до и после, могла уходить в пробитую брешь и вырываться из рук эсэсовских эзотериков, арийские башни могли утрачивать свою колдовскую силу. Однако времени, в котором находилась Агделаида Краковская, все эти катаклизмы не касались никоим образом. Ее времени и еще плюс-минус несколько десятков лет. Полвека в среднем. Вперед полвека и назад полвека. В будущее и прошлое. По сути, весь этот столетний период был в полном распоряжении фашистских хрононавтов, шедших следом за анкер-меншем по межпространственному и межвременному проходу. И чем ближе ко времени субъективного пребывания анкер-менша они выходили из цайт-тоннеля – тем меньше риска.

С собой человек-якорь нес спокойствие и гармонию, и собой Аделаида возвращала утраченную силу башен. Она была экспресс-реаниматором древней магии в ограниченном, локальном периоде. Она являлась страховкой на случай нестабильности цайт-тоннеля. На случай провала важного эксперимента. Вот в какой инструмент обратили свою пленницу эсэсовские маги и медиумы.

Да, за Аделаидой – в защищенный континуумным стабилизатором хронологический отрезок могли безбоязненно вступать сапоги, колеса, гусеницы... В неограниченных количествах. Покуда существовал цайт-тоннель. Абы как, но существовал.

А вот если цайт-тоннеля нет? Анкер-менш – в прошлом, а тоннеля – нет? Вообще? Если он так и не был проложен? Если по сложной системе древнеарийских башен перехода нанесен страшный удар? Если взрыв атомного заряда в незапланированном месте и в незапланированное время раз и навсегда покончил с этим проектом?

Тогда нет и абсолютной власти над временем. Без цайт-тоннеля фашисты могли действовать лишь по старинке. Они могли рассчитывать на переброску ограниченного, очень ограниченного контингента в редкие полнолунные ночи. В то время, в котором находилась Аделаида плюс-минус несколько лет, в лучшем случае – десятилетий, поскольку она являлась «якорем» для всех платц-башен в своем хроноотрезке. Для всех незаблокированных ранее башен. Впрочем, локально Аделаида могла взломать и любой магический блок – в той платц-башне, в которой находилась сама. Но это уже частности. Важно другое: закрепленная в магическом транс-связи с Томасом Зальцманом позволяла цайткоманде воспользоваться заброшенным в иное время анкер-меншем.

Но воспользоваться только в одном направлении – без надежды вернуться.

У кокона, генерируемого Аделаидой, имелся существенный недостаток. В рамках текущего субъективного времени континуумный стабилизатор давал возможность беспрепятственно осуществлять межпространственную переброску и позволял отправлять вслед за человеком-якорем небольшие группы и минимум техники из фашистского хронобункера. Но вот в плане обратных цайт-прыжков... Тут имелись проблемы. Большие.

Дело в том, что сам по себе, без цайт-тоннеля, стабилизирующий кокон не способствует перемещению во времени, а скорее, наоборот. Тот, кто попадает под защиту континуумного кокона, становится его пленником.

Навеки. Навсегда. На сто процентов. Впрочем, не совсем. На девяносто девять, наверное. И девять десятых.

Вообще-то теоретически – опять-таки, если верить документам гиммлеровской папки – вырваться из хронологического плена возможно и без цайт-тоннеля. Если свести воедино бывшего шлюссель-менша, а ныне человека-якоря – живого или мертвого – с разрушенной платц-башней Взгужежеви, некогда отдавшей ему свою магическую силу. И доставить туда же нового шлюссель-менша – Томаса Зальцмана.

Тогда, по мнению эзотериков, должен открыться межвременной и межпространственный коридор. В любом направлении. Не столь надежный, как цайт-тоннель, но все-таки...

Есть еще вариант. Как явствовало из той же папки... Вариант, так сказать, дистанционного совмещения шлюссель-менша Томаса Зальцмана и анкер-менша Агделаиды Краковской. Совмещения посредством какой-нибудь шлюссель-башенки, также имеющей связь с Взгужежевской платц-башней и находящейся в том же временном промежутке, на который распространяется действие континуумного стабилизатора.

При проведении сложного ритуала, сродни тому, через который прошла Аделаида в хронобункере, возможно копирование магической сущности анкер-менша на новый носитель – шлюссель-башню. Вне зависимости от того, какое расстояние их разделяет. Правда, два континуумных стабилизатора единомоментно существовать не могут. И живой анкер-менш неминуемо должен погибнуть по завершении обряда. Не просто погибнуть – исчезнуть. Раствориться в воздухе. Распасться на атомы. Нет, не так. Исчезнуть полностью, не оставив ни атома. Никакого следа. Ни во времени, ни в пространстве. Обмен якорями-стабилизаторами в этом случае получается неравноценный, поскольку малая ключ-башня перехода, становящаяся якорем, сработает, в отличие от якоря-человека, лишь единожды. Так что такой вариант менее предпочтителен.

Сложно? Путано? Может быть. Но ясно одно: Аделаида вновь становится центральной фигурой хронологических операций цайткоманды. Хотя...

Бурцев встряхнул головой. Ну, что за дурацкие мысли лезут и лезут в голову?! О каких операциях может идти речь, если центральный хронобункер СС уничтожен ядерным взрывом, а с ним, наверняка, погибла и вся верхушка цайткоманды. И неведомый бригаденфюрер Зальцман – тоже.

Значит – забыть. И не вспоминать. Чтоб спалось лучше. В конце концов, и без гитлеровских хрононавтов проблем сейчас – выше крыши. А самая главная проблема – где, елки-моталки, они находятся?! И в каком «когда»?

Куда их всех занесла нелегкая после побега из ээсовского хронобункера?!

Глава 2

Бурцев сложил бумаги в папку. Пришло время менять стражу. Дмитрию пора заступать на пост. А то сарацин Хабибулла уже, небось, все зенки проглядел. Сверху, с холма, из-за развалин арийской башни, из-за бесформенного нагромождения древних глыб хорошо обозревать окрестности – изрытые балками, укрытые лесами – и не показываться при этом самому на глаза случайному путнику. Но все равно ведь устаетшь...

Кстати, о путниках. Ни случайные, ни неслучайные они здесь пока не проходили. И не проезжали. Сторонились отчего-то путнички этих мест. Да и вообще... Райончик, в котором очутилась небольшая дружина, не мог похвастать многолюдным населением.

Бурцев направился в лагерь – кликнуть Дмитрия. Лагерь они разбили под возвышенностью с платц-башней – в укромном, заросшем густым кустарником овраге, у кристально чистого родничка.

Сейчас в лагере было малоллюдно. Малопольская княжна и, по-совместительству, супруга Василия Бурцева Агделаида Краковская —сидит нахохлившись. Опять чем-то недовольная. Поверх подаренного Ядвигой дорожного сюрко на голое тело – черный мешковатый балахон. Спасибо Джеймсу – уступил даме одежду эсэсовского медиума. Поверх балахона – отстиранный от крови белый плащ с черным тевтонским крестом. Это уже трофей с мужниного плеча.

Лето – и Аделаидка не мерзла. Но нелепый наряд, конечно же, не способствовал хорошему настроению. Только тут уж ничего не поделаешь: чем богаты, как говорится... И нечего дуться. Из эсэсовского хронобункера княжна, можно сказать, сбежала и вовсе в чем мать родила.

Чуть поодаль расположилась жена пана Освальда Добжиньского Ядвига Кульмская. Некогда, между прочим, непревзойденный мастер постельной разведки. Еще в лагере был китайский мудрец, экс-советник Кхайду-хана Сыма Цзян. Ну, и дремлющий в ожидании своей стражи Дмитрий.

Лучники – татарский юзбаши Бурангул и прусс дядька Адам – отправились на промысел: птиц набить к ужину. Новгородец Гаврила Алексич, итальянский брави британского происхождения Джеймс Банд и польский рыцарь Освальд Добжиньский с верным оруженосцем-литвином Збыславом тоже рыскали по окрестностям в надежде выяснить, наконец, что за места вокруг такие. И что за времена. Нужно было осмотреться, освоиться, собрать максимум информации об окружающем мире, а уж потом...

Пока, впрочем, ничего толкового разведке разузнать не удалось. Нашли только порушенную и сожженную деревеньку в двух часах ходу отсюда. Местечко не самое приятное. Когда-то люди там жили да, видать, сбежали все. Одно можно сказать точно: обугленные домишки были ну, очень убогими. А глиняная посуда, черепки которой отыскались в золе, леплена явно не в двадцатом веке. Научно-технической революцией здесь и не пахло. Зато так и несло недавней войной. Короче, нужно держать ухо остро.

Бурцев поднялся на холм вместе с Дмитрием – осмотреться. В который раз уже.

Сарацин на посту не спал – сразу вышел навстречу.

– Ну, как, Хабибулла, все в порядке?

– Да, каид, – кивнул араб. – Тихо все, спокойно.

Тихо, спокойно – это вот и настораживало больше всего.

Бурцев извлек из ножен меч. Хороший клинок. Только вот лезвие иззубрено малость в схватке в фашистском хронобункере.

Задумчиво накорябал острием на камне: «Здесь был Вася». Поставил бы и дату под корявой подписью. Да откуда ж знать, какой нынче день и год? Какой век хотя бы. Вместо даты

дописал «род». Поставил дату рождения. Вот такой вот прикол. То-то глаза на лоб вылезут у археологов будущего!

– Странные буквы, – пробормотал за спиной Дмитрий. – Вроде по-нашему писано, кириллицей, а вроде бы и нет.

Рядом с новгородцем стоял Хабибулла. Этот тоже пялился через плечо Бурцева. Правда, не столько на надпись, сколько на свою родную арабскую цифирь.

– Это что, каид? – осторожно поинтересовался сарацин по-татарски.

– Да так, – махнул рукой Бурцев. – Дурака валяю.

Действительно, глупо. Он вдруг почувствовал себя великовозрастным кретином, пачкающим идиотским граффити наследие древней цивилизации. И меч ведь не для того кован, чтоб автографы на камне царапать.

– Дурака? – араб нахмурился.

– Ну, как бы объяснить... Глупца, безумца, сумасшедшего...

– Шайтаном одержимого?

– М-м-м...

Араб заглянул под камень. Обошел торчащую из земли глыбину.

– А где он?

– Кто?

– Дурак?

Бурцев хмыкнул.

– Испугался и убежал дурак.

– А-а-а, шутка, – вяло усмехнулся сарацин.

Потом долго и молча бродили между камней. Думали, каждый о своем. А по сути – об общем. Куда попали и что делать дальше.

Где-то через часик наверх поднялся Бурангул. Сообщил коротко:

– Все в лагере. Обед готовится.

Судя по дымку над оврагом, так оно и было.

Спустились не сразу. Посидели еще. Вчетвером уже.

– Ладно, – вздохнул, наконец, Бурцев. – Хабибулла, Бурангул, идемте. А то без нас все слопают.

– Про меня там не забудьте! – напомнил Дмитрий.

– Как же, забудешь про тебя! Не волнуйся, принесут тебе твою долю.

Обед должен получиться знатным. Судя по рассказу Бурангула, охотники настреляли с десяток жирных куропаток, не потеряв понапрасну ни одной стрелы. В общем, ожидался праздник живота. И живот Бурцева тихонько урчал в предвкушении.

Праздника однако не получилось. Вообще, у костра творилось невесть что. Злющая-красноющая Ядвига, закатав рукава, с таким остервенением ошпыивала куропаток, будто это были головы заклятых врагов. Сыма Цзян возился с костром и неодобрительно косился на Аделаиду. Остальные хмурились молчали.

Дочь Лешко Белого, малопольская княжна дулась в сторонке – у ручейка.

– Ну? И что тут у нас стряслось? – Бурцев огляделся вокруг.

Отвечать никто не спешил. Только Сыма Цзян тяжело вздохнул. Над лагерем витала аура недавней ссоры. Непорядок!

– В чем дело, спрашиваю?

– А в том, что Ее Высочество брезгует грязной работой, – Ядвига пальнула глазками в спину Аделаиды. – Не приучена, говорит, с дичью обращаться. Я ей – учиться надо, кончилась, мол, жизнь на всем готовеньком, а она...

– Тихай-тихай, Ядвига, не заводися в новая раз, – остановил китаец.

Аделаида не проронила ни слова. Только повыше задрала подбородок. Поджала губки.

Бурцев свел брови. Неужто, опять начинается?! Н-да, недолго жenuшка проходила в пай-девочках. Капризничает, ну точь-в-точь как раньше!

– Аделаидка, – позвал он, – подь сюда.

– Отстань! Отстаньте от меня! Все!

Княжна вскочила, запуталась в тевтонском плаще, упала, вскочила снова, сбросила в сердцах плащ и в медиумовском балахоне нырнула в заросли.

М-да, дела...

Бурцев поднял белый плащ с черным крестом, накинул на плечи. Немецкий плен на Аделаиду так скверно подействовал, что ли? Плен? А ведь, в самом деле...

Сзади подошел Сыма Цзян. Шепнул тихонько:

– Моя думается, что просветления из башня древняя ария в твоя жена уже нета. Исчезла вся. Колдовская чара немецкая чародея снялася вся просветления с твоя жена, Васлав.

Ну да, конечно! «Колдовская чара». Магический транс. Гипноз медиумов эзотерической службы. Бурцев покосился на гиммлеровскую папку. Раз Аделаида уже не «шлюссель-менш», значит, и благоприятные побочные эффекты, коими одарил Аделаидку магический ключ, тоже – того... Нет в ней больше пресловутого «просветления». Былое спокойствие и умиротворенность теперь в прошлом. А подзабытые капризы взбалмошной княжны возвращаются, накалываются снежным комом. Вырвались сдерживаемые столько времени страсти и – ох, что-то будет...

Бурцев вздохнул. Ладно, об этом мы еще подумаем. И с женой на эту тему поговорим.

Он поднялся.

– Пойду, позову...

Шагнул в заросли – за княжной.

– Тревога! – донеслось вдруг сверху, с холма, из развалин арийской башни.

Кричал Дмитрий. Кричал и бежал вниз. Со всех ног.

Так кричал, так бежал... Даже Аделаида вынырнула из кустов. Смотрит, прислушивается.

– Конные. Оружные, – тяжело дыша, докладывал дозорный. – Десятка три. Сюда скачут.

Быстро. Видать, дым от костра заметили.

Проклятье! Вот и дождались путничков в безлюдных местах.

– Аделаида, Ядвига, спрячьтесь, – распорядился Бурцев. – И не высовывайтесь.

В этот раз малопольская княжна не капризничала. Сразу юркнула ужом за зеленую стену.

Следом – Ядвига.

– Бурангул, Хабибулла, Сыма Цзян – вы тоже посидите в засаде. И за дамами заодно присмотрите.

Татарин, сарацин и китаец скрылись в зарослях.

– К бою! – приказал Бурцев остальным.

Когда неизвестно, чего ждать, готовиться нужно к худшему.

Глава 3

Отряд приближался небольшой, но выглядел грозно. Тридцать всадников, бряцающих железом. Арбалетки со взведенными самострелами. Оруженосцы с обнаженными мечами. Слуги-копейщики, пригнувшие к земле блестящие острия с трепещущими вымпелами. Все – в кольчугах, пластинчатых бригантинах и открытых конических шлемах.

А вот предводительствовал конным отрядом... М-да... Всем рыцарям рыцарь! Не человек – сплошные латы. Гвозди бы, блин, делать из этих людей... В тринадцатом веке Бурцеву ничего подобного видеть не доводилось. Да и дружинники его тоже стояли, разинув рты.

Нагрудник – цельнометаллическая кираса. Здоровенные, широченные, как у американских футболистов, наплечники. И – налокотники, наручи, наколенники, набедренники, наголенники и еще фиг знает чего на... Кое-где из-под пластинчатых лат выступали кольчужные звенья, обеспечивавшие дополнительную защиту. Голову всадника прикрывал шлем с опущенным и выдающимся вперед остроносым забралом обтекаемой формы. С такой железной морды и копьё, и меч соскользнут, не задерживаясь.

В рыцарском седле с высокими луками бронированный наездник сидел благодаря подвижному подолу, склепанному из длинных пластин и прикрепленной к нему «юбочке»-тассете.

Клепки, застежки, прочные кожаные ремни с пряжками... Все прочно стянуто, сочленения плотно подогнаны по фигуре рыцаря. Справа – на нагруднике торчал крюк непонятного предназначения. Хотя нет – вполне даже понятного. Удобный упор для копья в таранной сшибке.

У седла болтался небольшой квадратный щиток. У левого бедра висели ножны. Пустые.

В правой латной рукавице (ею одной, наверное, убить можно – столько металла ушло на «перчаточку») рыцарь сжимал меч. Не из коротких, надо сказать: клинок, наверное, не меньше метра, плюс удлиненная рукоять с чуть изогнутой крестовиной и округлым наверху-противовесом.

Рыцарь придержал коня, взмахнул мечом. Пророкотал:

– Ште-ен!

Оба-на! Немец! – промелькнуло в голове Бурцева. Хреново!

Свита закованного в латы всадника остановилась, повинувшись приказу.

Рыцарь бросил меч в ножны.

Тут же поднялись опущенные для боя копьё за его спиной. Спряталась обнаженная сталь клинков. Легли обратно в колчаны извлеченные из арбалетов стрелы.

Рыцарь поднял забрало. Не поднял, точнее, отворил, подобно дверце со скрипучей петлей наверху. Петля располагалась аккуратно на железном лбу. Там же имелся и крюк, фиксирующий забрало в поднятом положении. Под забралом обнаружилось усатое лицо с немного приплюснутым носом. Не молодое, не старое. Лицо это взирало с вежливой доброжелательностью. Но в широко открытых глазах – изумление крайней степени.

Незнакомец скользнул любопытным взглядом по гиммлеровской папке со свастикой, что лежала у ног Бурцева. Потом долго и с неприличным даже недоумением осматривал одежды и доспехи вооруженных бойцов, стоявших перед ним спина к спине.

Но главное – в драку рыцарь пока не лез. И людям своим не приказывал. Что ж, меч в ножнах и поднятое забрало можно считать хорошим знаком. Атаковать, по крайней мере, сразу эти ребята не станут.

Бурцев молчал, выжидая. Дружина – тоже.

А рыцарь тем временем – вот это да! – не дожидаясь помощи оруженосцев, сверзился с седла. Мигом на земле оказалась и вся свита. Очень странно! Неуместный какой-то знак уважения. Или... или военная хитрость?

– Позвольте представиться, – шлем с отворенным забралом качнулся в сдержанно-уважительном поклоне, – Барон Альфред фон Гейнц.

Точно, германец! Но что он задумал? На турнир решил вызвать по всей форме, что ли? Бурцев потерял дар речи. Остальные тоже вступать в разговор не спешили.

Неловкую паузу вновь прервал странный немец.

– Разрешено ли мне будет узнать, кто предводительствует благородными рыцарями, прибывшими в наши края? И не соизволят ли прославленные воины оказать мне честь, посетив мой скромный Шварцвальдский замок?

Ни фига себе! Удивительное гостеприимство!

Бурцев выступил вперед. Лихорадочно соображая, как правильнее будет назваться в такой ситуации самому. Решил пока повременить.

– Мы приехали недавно, – осторожно начал он по-немецки. – Совсем недавно, вы понимаете, и... и...

И что «и»?

– ... и...

Бурцев неопределенно помахал рукой. Что бы еще сказать эдакого? Нейтрального?

– О, мы не думали, что вы прибудете так скоро! И что поедете по этим опасным местам, – снова ошарашил разговорчивый рыцарь. В словах незнакомца послышались виноватые нотки. – Иначе мы давно были бы здесь.

– Что? – изумился Бурцев. – Не думали? Что мы прибудем? Так скоро?

Выходит, их еще и ждали? Очень, очень интересно!

Удивление Бурцева было искренним, но собеседник, видимо, истолковал его по-своему.

– Если бы я только знал! – Невероятно! Спешившийся всадник, в самом деле, оправдывался. – Поверьте, я незамедлительно организовал бы встречу, достойную послов магистра Ульриха фон Юнгингина.

– Послов? Магистра?

Блин, каких послов?! Какого магистра?!

– Великого магистра, – смутившись еще сильнее, поспешно добавил незнакомец в латах. – Великого магистра благочестивого ордена Святой Марии...

Ордена?! Святой Марии?! Ё-о-олки-палки!

До Бурцева начинало доходить. Трофейные тевтонские плащи – вот в чем дело. Барона ввели в заблуждение черные кресты, нашитые на белую ткань, Похоже, их тут путают с какими-то посланцами Тевтонского братства. Впрочем, разубеждать собеседника пока не стоило. Раз пошла такая пьянка, не мешало бы вытянуть из фон Гейнца побольше информации.

– Вероятно, вы двигались не через северные саксонские, тюрингские и вестфальские земли, а пошли короткой дорогой – через герцогство Австрийское и герцогство Баварское? – продолжал разглагольствовать барон.

Бурцеву только и оставалось, что кивать.

– Кто бы мог подумать! Но зачем, скажите на милость, зачем вам понадобилось сворачивать с безопасных трактов так сильно к югу?

– А-а-а... мы... это... мы... не знаем...

– Заблудились? Сбились с пути? – понимающе кивнул Альфред фон Гейнц.

– Да-да! Точно.

– Я так и подумал. Что ж, считайте, вам повезло, – с легким упреком заметил барон. – Могли бы ведь не дойти вовсе. У нас в округе бесчинствуют швейцарские голодранцы. Знаете,

я объезжал сторожевые заставы на границах своих владений, и мне доносят, что разведчики увидели дымок под этим холмом. Я со своим «копьем» уже изготовился к битве. А тут вы...

Бурцев развел руками: мол, так уж вышло.

А сам мучительно соображал: Австрия, Бавария, Швейцария... Выходит, их забросило в Европу. Не в Восточную на этот раз – скорее, в Центральную.

А собеседник все не умолкал:

– Могу ли я узнать, где ваши лошади? Где оруженосцы? Кнехты? Слуги? Где обоз? – барон Альфред фон Гейнц выпаливал вопросы со скоростью пулемета.

И сам же отвечал, глядя на посеченные одежды и доспехи Бурцева:

– На вас что, напали? Швейцарские разбойники?

Что ж, пожалуй, это сейчас самая подходящая легенда.

– Целая толпа каких-то оборванцев, – с готовностью подхватил Бурцев. – Насилу отбились. Но обоз и лошадей потеряли. И почти всех слуг и оруженосцев тоже.

Он изобразил на лице вселенскую скорбь и постарался издать горестный вздох. Вроде, получилось.

– Проклятые швейцарцы! – с чувством изрек барон. Железный кулак грохнул по железному набедреннику. – Это у них в крови: выйти из своих лесов и гор, напасть, награть и уйти безнаказанными. Однажды их бесчинства уже переполнили чашу терпения Всевышнего. Разверзлась геенна огненная, адово пекло поглотило грешников, огненный вал сжег их города, испепелил леса, сровнял холмы, расплавил скалы и осушил озера. С тех пор земли кантонов прокляты. Но даже гнев Господень не образумил швейцарцев.

– Не-а, – подтвердил Бурцев, поражаясь буйной фантазии и складному вранью барона. – Не образумил. Мы – тому свидетели.

– Что ж, ваши слова звучат убедительно, – вздохнул фон Гейнц.

Наши? Бурцев подавил улыбку. Вообще-то, до сих пор он, большей частью, отмалчивался и поддакивал. Говорил барон. И так вдохновенно говорил, что грех перебивать.

– Где на вас напали? Где произошел бой? Я соберу войско! Мы догоним негодяев! У вас еще будет возможность поквитаться с этими швейцарскими свиньями. И сам я с удовольствием...

– Это бесполезно, любезный барон, – оборвал горячую речь Бурцев. – Все произошло слишком далеко отсюда. Швейцарцы, должно быть, уже скрылись. К тому же я прибыл сюда не для того, чтобы гоняться за лесными разбойниками.

Бурцев выдержал паузу. Может, словоохотливый фон Гейнц хотя бы намекнет, зачем он прибыл? Чтобы впредь успешно выдавать себя за посла ордена, необходимо и вести себя соответствующе.

– Да. Конечно. Я все понимаю...

Альфред фон Гейнц понизил голос.

– Важная миссия...

И за локоть отвел собеседника в сторонку – подальше от слуг и оруженосцев.

Глава 4

– Его Императорское Величество, как и было оговорено, ожидает вас в моем Шварцвальдском замке. – Барон покачал головой, прицокнув языком. – О, майн Готт! Страшно даже подумать, что случилось бы, если бы швейцарская гольтьба помешала встрече.

– О, да, очень страшно! – закатил глаза Бурцев.

– Но теперь-то вы обязательно встретитесь с Его Величеством Рупрехтом. А я сделаю все, чтобы об этой встрече не прослышали прежде времени.

– Ну, разумеется? – Бурцев улыбался.

Из последних сил.

Так-так-так... Его Величество? Рупрехт? Выходит, здесь замешана еще и некая особа королевской крови? Нет, круче – представитель императорской фамилии. И с ним надлежит встретиться тевтонскому послу. Да еще и тайно. Зачем? И кто ж он такой этот Его Императорское Величество Рупрехт?

– Священная империя должна быть едина, – в глазах фон Гейнца блеснули фанатичные огоньки. – Если орден поможет императору, Рупрехт соберет, наконец, разрозненные германские графства, герцогства и княжества под своей дланью. Если император поможет ордену, братство Святой Марии расширит владения далеко на восток. Если же Великая Германия и Великий Орден объединят свои силы в один кулак О-о-о...

А-а-а... Бурцев вздохнул. Понятненько. Местный кайзер с имперскими замашками жаждет прочного союза с орденом. Ну-ну...

– Но не станем терять времени понапрасну! – спохватился барон. – Будет лучше, если мы отправимся в путь немедленно, господин... господин...

Барон умолк, наконец. И смотрел выжидающе.

– Ах, да, я ведь еще не представился, – понял намек Бурцев. – Прошу простить великодушно. Вацлав. Вацлав фон м-м-м... фон Штирлиц.

И скромно уточнил:

– Комтур германского братства Святой Марии Вацлав фон Штирлиц.

Так оно, небось, весомей будет.

Барон кивнул:

– Вы и ваши люди, благородный Вацлав, будете приняты со всеми полагающимися почестями.

– Только нам бы лошадок для начала, – неожиданно вмешался в разговор Джеймс. – Штук десять, а? Для изможденных долгим походом и битвой с швейцарскими разбойниками христовых братьев.

Брави сориентировался в обстановке быстро и также быстро смекнул, какую выгоду можно извлечь из сложившейся ситуации. Что ж, кони им, действительно, не помешают.

– О, разумеется! – немец энергично закивал головой, заключенной в стальную скорлупу. – Извините за недогадливость.

Негромкий приказ – и треть конной баронской дружины стала пехотой, отдав поводья «тевтонским братьям».

Только после этого барон спохватился:

– Простите, господин комтур, но зачем вам десять лошадей, если вас здесь...

– Больше, – заверил Бурцев. – Просто после гм... нападения швейцарцев мы стараемся быть осторожными.

– Разумно, – похвалил фон Гейнц – В этих краях только так и надо. Но где же ваши спутники?

Бурцев призывно махнул рукой. Опасность, вроде, миновала – можно выходить.

Кусты по краям оврага ожили, зашевелились.

Первыми выбрались Аделаида и Ядвига. У немцев из свиты барона, не ожидавших ничего подобного, отвисли челюсти. Впрочем, вояки быстро захлопнули рты, подтянулись, подобрали животы, приняли картинный вид, желая произвести должное впечатление на дам.

Потом – напряглись. И снова потянулись к оружию. Теперь из зарослей выходили сарацин, татарин и китаец. Хабибулла и Бурангул смотрели на баронскую дружину настороженно. Китаец, по обыкновению, улыбался новым знакомым. Как всегда – до ушей.

– Эт-то кто? Эт-то что? – Альфред фон Гейнц даже начал заикаться. – Господин Вацлав, вы кого привезли с собой на встречу с императором?!

– Друзей ордена, – нимало не смутившись, ответил Бурцев. Смущаться или каким-либо иным образом демонстрировать неуверенность сейчас было нельзя. – У могущественного братства Святой Марии всюду имеются тайные друзья и сторонники.

– Но как?! – только и смог выдавить из себя барон.

– А как в анекдоте, – хмыкнул Бурцев, осматривая свою дружину.

Ну да, точно... Иначе не скажешь. Встречаются русский, татарин и... И китаец. И араб. И англичанин. И поляк. И литвин. И прусс...

– Анек-дот, – нахмурил брови фон Гейнц. – Это город такой?

– Это клайне витц, любезный барон. Маленькая шутка.

Шуток немец не понимал...

– Хм, меня предупреждали о том, что послы гроссмейстера Ульриха фон Юнгингина придут на встречу с некими могущественными помощниками, но чтобы вот так... вот эти... – Альфред фон Гейнц продолжал хмуриться. – Кто бы мог предположить, что рыцари креста заключают союзы с... с такими союзниками.

– Это временный союз, – одернул собеседника Бурцев. – Он заключен во имя интересов ордена...

Подумав, чего бы еще соврать поубедительней, Бурцев добавил:

– ...и одобрен папой.

– Каким? – живо заинтересовался барон.

Переборщили, блин! Не нужно было приплетать Его Святейшество. Ошибочка-с вышла.

– Что – каким? – очень осторожно спросил Бурцев.

– Каким папой одобрен?

Да уж... Хороший вопрос. Бурцев выдержал паузу. Как оказалось, правильно сделал.

Разговорчивый барон продолжал:

– Пап ведь нынче трое. И кто именно одобрил союз христовых рыцарей с сарацинами? Избранный на Соборе в Пизе Александр Пятый? Или Авиньонский антипапа Бенедикт Тринадцатый? Или, может, Григорий Двенадцатый?⁵

Н-да... Дела... Бурцев покосился на Джеймса. Брави быстро и часто моргал. Брави вид имел жалкий и беспомощный. Раньше-то он верой и правдой служил папе Григорию Девятому. А теперь...

Бедняга Банд! Тайный папский разведчик и убийца, брави Святого Престола при таком обилии понтификов теперь, небось, и не знает, к кому идти на поклон и перед кем отчитываться о таинственных Хранителях Гроба.

– Так о каком же папе идет речь?

– Я не уполномочен говорить об этом ни с кем, кроме Его Императорского Величества, – нашелся все-таки Бурцев.

⁵ Прим: Речь идет о великом церковном расколе, разгар которого пришелся на начало пятнадцатого столетия. Каждый из вышеупомянутых церковных деятелей имел поддержку в различных регионах Европы и ни один не желал уступать папства конкурентам. Александр V являлся папой в 1409—1410 гг., Григорий XII – в 1406—1415 гг., Бенедикт XIII – в 1394—1417 гг.

Сведенные к переносице брови и сухость в голосе сделали свое дело.

– Понимаю, – легко согласился барон. Обиженным он не выглядел. Видимо, в самом деле, понимал: тайна есть тайна. А в императорские секреты простым баронам совать нос не положено.

И все же на араба и азиатов немец косился с явным подозрением. Не доверял иноверцам добрый католик Альфред фон Гейнц. А вот это опасно. – Вам не о чем беспокоиться, благородный Альфред, – сказал Бурцев, – эти иноземцы уже приняли христианство. Втайне.

В такой тайне, что и сами не подозревают. Хорошо, что ни Хабибулла, ни Бурангул, ни Сыма Цзян не понимают немецкого.

Зато Аделаида в изумлении посмотрела на мужа. «Да? – читалось в ее глазах. – Приняли? И Когда же?» Неужто, повелась? Ладно, потом объяснимся.

– Правда? – барон заметно повеселел. – Так они христиане?! Всев трое?! Что ж, это в корне меняет дело. Заблудшая овца, вставшая на путь истины, святой нашей матери церкви дорога вдвойне.

Бурцев очень надеялся, что барон поверит орденскому посланцу на слово и не заставит сарацина, китайца и татарина креститься и читать «Аве Мария». Слава Богу – Христу, Аллаху, Будде и верховному божеству степняков-язычников небу-Тенгри – обошлось.

Глава 5

– Конечно же, все это не моего ума дело, – примирительно болтал Альфред фон Гейнц. – Раз уж эти... добрые христиане с лицами язычников входят в состав посольства братства Святой Марии, значит, так надо. Политика – дело тонкое, а я всего лишь простой солдат, преданный императору. Потому прошу извинить меня, и пусть наши новые братья во Христе проявят смирение и не гnevаются на меня. Могу я вам еще чем-нибудь помочь?

– Можете, – в беседу вступил пан Освальд. – Милейший барон, вы не подскажете, какой нынче год?

Поляк уже был в курсе, что побег из эсэсовского хронобункера, осуществлялся не только в пространстве, но и во времени. Но нельзя же спрашивать вот так в лоб, в самом деле!

– Год? – глаза у барона округлились и полезли чуть не под самое забрало.

Да, действительно, странный вопрос для посла секретной миссии.

Альфред фон Гейнц повернулся к Бурцеву:

– Правильно ли я понял, что брат Святого ордена спрашивает...

– Да, барон. – Бурцев печально скривил губы. – Во время стычки с разбойниками нашего несчастного брата сильно ударили по голове. Он... он немного не в себе.

– Проклятые швейцарские алебарды! – немец отозвался с сочувствием и пониманием. – В свое время моему деду тоже здорово досталось в битве при Лаупане. Шлем несколько смягчил удар, но домой дедушка вернулся не в себе. И долго не протянул. Что ж, такое случается. Я надеюсь, ваш спутник излечится с Божьей помощью.

– С Божьей помощью, с Божьей помощью, – эхом отозвался Бурцев, – на него лишь уповаем в молитвах своих. И несчастный брат наш уже исцеляется. Но все же будет лучше, если вы ответите на его невинный вопрос, благородный Альфред. Именно вы, раз уж страдалец обратился к вам. Это... это успокоит немного его мятущуюся душу. Если вам не трудно.

Освальд недовольно хмыкнул, слушая юродничанье спутника. Ничего, переживет...

– Конечно! Конечно! – поспешно закивал барон. – Мне совсем не трудно. Сейчас 1410-й год от рождества Христова, а день и месяц...

Его не дослушали.

– Что-о-о! – мятущаяся душа Освальда отнюдь не желала успокаиваться.

Бурцев тоже не удержался – крикнул досадливо. Да уж, не до веселья. Незнакомый пятнадцатый век на дворе...

– Что-то не так? – встревожился барон.

– Нет, все в порядке. Просто у брата приступ.

– Как зовут вашего брата?

В этот раз поляк опередил Бурцева.

– Я – Освальд! – громко и торжественно отчеканил он. – Освальд Добжиньский!

Провозгласил это пан с таким видом, будто готов был немедленно сразиться с любым, кто посмеет оспаривать его заявление. Здесь, однако, слыхом не слыхивали о благородном разбойнике, пролившем два столетия назад немало немецкой кровушки. Не вызвал удивления у барона и тот факт, что рыцарь в тевтонском плаще кличет себя добжиньцем.

– А-а-а, добжиньские земли! – протянул Альфред фон Гейнц. – Как же, как же, слышал, знаю... Орден Святой Марии недавно отбил их у поляков. До нас доходят слухи, будто это может стать поводом к большой войне.

– Ох, станет! Еще как станет! – со скрежетом зубовным пообещал Освальд.

Пылающий взгляд поляка заставил барона повернуть коня в сторону.

– У вас еще есть раненые, благородный Конрад? – осведомился фон Гейнц, косясь на Освальда.

– Нет. Один только.

– М-да... алебарды... страшное оружие, – пробормотал немец и перевел разговор в иную плоскость. – А скажите-ка, господин комтур, кто эти милые девушки?

Барон теперь с интересом разглядывал Аделаиду и Ядвигу.

– Это не девушки, – строго ответил Бурцев.

– А? Дамы?

– Сестры ордена.

– И они что, тоже входят в состав посольства?

– Они нам... помогают в пути. Готовят пищу, стирают...

Аделаида часто-часто заморгала. Раскраснелась, возмущенная, раскрыла и захлопнула рот, душима гневом, не в силах произнести ни слова. И – хорошо... Истерики орденской «сестры» им сейчас только не хватало.

– ...за лошадьми смотрят, прислуживают. Ну и так, вообще...

– Вроде служанок?

– Вроде.

– Я так и понял, – удовлетворенно кивнул барон. – Я слышал, что в орденских замках несут службу женщины. Только никогда прежде не думал, что они сопровождают братьев-рыцарей в походах...

– Сопровождают-сопровождают. А что в этом такого? Или вы сомневаетесь в целомудрии братьев ордена Святой Марии, барон?

Альфред испуганно качнул шлемом:

– Нет, что вы, ничуть... Мне просто странно, что орденская челядь одевается так... своеобразно, – рыцарь не отводил глаз от нелепого медиумовского балахона Аделаиды. – Вероятно, этот черный мешок связан с какими-то обетами?

– Че-лядь?!

Казалось, малопольскую княжну, обретшую, наконец, дар речи, хватит удар. Агделаида Краковская успела еще что-то возмущенно и неразборчиво пискнуть. К счастью, умница Ядвига, зажав Аделаиде рот, вовремя оттащила княжну в сторонку.

– Что с ней? – изумился фон Гейнц.

– Да так... немного не в себе, – вздохнул Бурцев. – Нервы. Сами понимаете, сестре пришлось многое пережить.

– О, да! Подлые, подлые швейцарцы!

– А одежды – это... это... наказание, в общем. Вроде покаянной власяницы.

– Сестра провинилась?

– Да. Слишком много о себе возомнила. Забыла о смирении.

– Гордыня – тяжкий грех, – неодобрительно покачал головой Альфред. – В особенности для женщины.

– Ну, вот и я о том же.

Бурцев улыбнулся. В чем-то он с этим германцем нашел взаимопонимание.

Глава 6

В Шварцвальдский замок барона ехали, не торопясь – чтобы не отстали спешенные слуги фон Гейнца. Свита поспешала, как могла. Бежали пехом по очереди: сначала одни держались за стремя, потом другие. Сменялись как часы. Немцы – одно слово...

Незыблемо в седлах сидели только «послы». Ну, и сам барон, разумеется.

Адалаида недовольно пыхтела за спиной Бурцева. Ядвига держалась сзади за пана Освальда.

Дорога шла через холмистое редколесье. Потом – вдоль густого мрачного леса, где даже в полдень, наверное, солнце – редкий гость.

– Шварцвальд, – кивнул на сплошную стену деревьев фон Гейнц.

Черный лес... Да, пожалуй, самое то название.

Некоторое время двигались молча.

Барон, не в силах совладать с собой, все косился на одежды и доспехи «послов». Время от времени царапала Бурцева и его дружинников любопытными взглядами и баронская свита. Это было неприятно.

– В чем дело, благородный Альфред? – в конце-концов, не выдержал Бурцев. – У меня такое впечатление, что вы хотите о чем-то спросить, но никак не решаетесь.

Барон смутился:

– Это, конечно, тоже не мое дело...

– Ладно, говорите, чего уж там.

– Простите, благородный Конрад. Но неужели... неужели рыцари ордена все еще носят это?

За вежливым вопросом Бурцев уловил, нет, не подозрение – насмешку. Что ж, в данной ситуации второе лучше, чем первое.

А взгляд фон Гейнца в очередной раз скользнул по ведрообразному шлему-топхельму, притороченному у седла. Да и одной лишь кольчугой без пластинчатых лат здесь, видимо, довольствовались только кнехты да оруженосцы. Тевтонскому комтуру в пятнадцатом столетии, наверное, надлежало обвешиваться более надежной и дорогой броней. Вроде баронской.

– Это старый орденский обычай, – хмуро ответил Бурцев. – Выезжать на свершение самых важных дел в тех доспехах, в которых доблестно сражались под крестоносным знаменем наши предки. Чтобы ощущать на себе груз ответственности через тяжесть их брони, чтобы помнить, не опозорить чтобы...

Муть, конечно, полнейшая. Зато красиво. Романтично. По-рыцарски.

– О-о-о! Очень мудрый обычай! – Альфред фон Гейнц от восторга аж заерзал в седле. – Очень! Так вот почему старые доспехи так хорошо сохранились!

– Именно поэтому. Наши кастиляны специально содержат в образцовом порядке несколько комплектов старой брони.

– Да, это впечатляет! Жаль, я прежде не встречал рыцарей братства Святой Марии в латах ушедших славных веков.

– Я же сказал, что в доспехи прославленных орденских рыцарей прошлого мы облачаемся, лишь отправляясь на самые важные дела. Самые, понимаете? Те, которым братство придает наибольшее значение. А дел таковых не так уж много. Намечающиеся переговоры с Его Императорским Величеством – одно из них.

Барон кивнул и умолк. На орденских послов он смотрел теперь с уважением и подобострастием.

Впрочем, молчание длилось недолго. Не прошло и получаса, как словоохотливый немец вновь всю болтал языком. Альфред фон Гейнц разглагольствовал...

Хоть и назвался гостеприимный хозяин простым солдатом, не влезавшим в большую политику, но... Прибеднялся, в общем, барон. Дядька этот оказался весьма осведомленным собеседником. Знатоком как достоверной информации, так и слухов-сплетен, стекавшихся в Священную Римскую Империю со всей Европы.

И Бурцев, пользуясь случаем, вытягивал из говорливого аристократа нужные сведения, всячески стараясь скрыть собственную некомпетентность в обсуждаемых вопросах.

В особо трудных случаях спасали глубокомысленные изречения: «Господь знает». «Господь просветит и укажет». «Господу виднее». «На все Божья воля»... Если при этих смиренных словах молитвенно складывать руки и возводить очи горе – то действовало безотказно.

Болтливый же барон был той самой пресловутой находкой для шпиона. Убежденный на все сто, что имеет дело с важным тевтоном и польщенный вниманием посла, фон Гейнц без умолку чесал языком.

В результате под монотонный стук подкованных копыт Бурцев узнал, что...

– ...Испанцы грызутся с маврами, будь они неладны! Французы воюют с англичанами и лет сто, небось, еще воевать будут. На востоке тоже неспокойно. В Чехии добрых католиков смущает профессор пражского университета Ян Гус, по которому давно костер плачет. Литва и Польша ополчаются против вашего, благородный Вацлав, святого братства. Московиты подминают под себя окрестные русские княжества и становятся грозной силой. За страной русичей распадается и крошится после смерти Тамерлана государство монголов. А хорошие вина, милейший комтур, нынче подорожали. И добрых мехов с пушниной уже так просто не достать.

Цок-цок, цок-цок – постукивали копыта...

– Всю Священную империю лихорадит. Князья-курфюсты, герцоги, графы, маркграфы, пфальцграфы, да бургграфы растягивают Германию по клочкам. А клочки те рвут сызнова. И клочки от клочков – тоже. Вот взять хотя бы нашу Швабию. Что осталось ныне от доброго старого герцогства? Графство Вюртемберг, баденские земли, епископство Аугсбургское и епископство Констанцское, ну, еще кой-какие куски отошли во владения Габсбургского Дома.

Благо мой синьор граф Вюртембергский Эбергард Четвертый, коего за его неслыханное милосердие в народе именуют также Добрым, понимает, что более так продолжаться не может, и поспособствовал вашей встрече с Его Императорским Величеством. Но тут дело понятное. Своими силами, без помощи императора, графу нипочем не утихомирить швейцарцев. А то ведь эти мерзавцы из лесных и горных кантонов уже хозяйничают в его землях, как у себя дома. Кстати, вы не пробовали еще швейцарского сыра? Угощу – не пожалеете. Что-что, а сыр варить швейцарцы умеют...

Цок-цок, цок-цок...

– На дорогах лютуют шайки головорезов. Крестьяне, вместо того, чтоб работать в поте лица своего, косо смотрят на своих господ. Германского императора никто всерьез не принимает. Папская власть утратила былой авторитет. Церковь – силу. На еретиков не хватает костров. А жарковато сегодня, не находите? А так – прелестная погодка! М-да!

Цок-цок, цок-цок...

– Эх, дорогой комтур, скажу я вам, печальнее всего, что правила честной войны уходят в прошлое. Осадные бомбарды, не иначе как порожденные дьяволом, разрушают стены замков, казавшихся доселе неприступными и несокрушимыми. От пуль, пущенных из малых ручных бомбард, не спасают никакие доспехи. Безлошадные голодранцы с швейцарскими алембардами, итальянскими и фламандскими пиками или английскими луками все чаще бьют на полях сражений прославленную рыцарскую конницу. Процветает наемничество. Разбогатевшие города не желают подчиняться синьорам. Цеховики, купчишки и владельцы мануфактур имеют доход, превышающий состояние благородных рыцарей, баронов и графов. Куда только этот мир катится, господин Вацлав...

В общем, как явствовало из нескончаемого потока баронского многословия, всюду царила полнейшая анархия и вдобавок изо всех щелей сквозило чем-то новым, непонятным, пугающим... По всей Европе бурлила и плескалась дурно пахнувшая мутная водичка, в волнах которой самое время было ловить рыбку покрупнее. Что, судя по всему, и намеревались сделать тевтонский гроссмейстер Ульрих и германский император Рупрехт. Тайная встреча немецкого магистра с немецким же монархом здорово смахивала на этакий спешный раздел мира под шумок.

Или не спешный? Или все тут продумано и просчитано до мелочей?

Глава 7

Замок мало чем отличался от виденных Бурцевым феодальных крепостей тринадцатого столетия. Замок как замок. Башни, стены, ров, подъемный мост, воротная арка с решеткой.

Правда, кое-где из больших амбразур торчали жерла орудий. Отдаленно крепостные пушки пятнадцатого века напоминали модфаа сарацинского мудреца Мункыза. Только сделаны они были не из выдолбленного и кое-как укрепленного железными кольцами дерева, а целиком кованы из металла.

«Послы» и отряд фон Гейнца обогнули замок. Бурцев привстал на стременах. Так, а это еще что?

В поле перед крепостью было необычайно людно.

Осада, что ли? Нет, слишком мало оружия в толпе и слишком много веселого гомона. Скорее уж праздник какой-то.

Альфред фон Гейнц повернулся к одному из своих оруженосцев – дюжему детине с наивным лицом пацана:

– Фридрих, узнай, в чем там дело.

Оруженосец ускакал вперед, а вернувшись, доложил:

– Ведьму изловили, ваша милость. Швейцарское отродье! Шпионила тут.

Ведьма-шпионка? Очень интересно! Бурцев прислушался. Аделаида сзади перестала наконец, обиженно сопеть, напряглась, вцепилась в мужнину спину. Ведьм и прочей четовщины она боялась. Дружина озадаченно притихла.

– Где изловили? – нахмурился барон. – Как изловили?

– В Шварцвальде, как вы велели, засаду поставили на цюрихской дороге. Дитрих Лысый со своим десятком дежурил на тракте. Ему и попалась пташка. К замку пробиралась скрытно, тайком. Да разве ж Дитриха проведешь.

– Да, наш Дитрих мимо себя ни одной юбки не пропустит, – гоготнул барон.

– Ага! – растянул рот до ушей Фридрих. – Дитрих, как водится, того... потащил девку в кусты. Чего церемониться-то? Завалил ее, разодрал платье и...

– И что?

– И тут-то понял, что ведьма она.

– Как понял?

– А по сиське.

– По чему? – лицо фон Гейнца дернулось.

– Ну... сиська у нее.

– Эка невидаль! Так ведь баба же!

– Так ведь сиська-то дьявола!

– Что? – барон придержал коня. – В самом деле?

У Бурцева отвисла челюсть.

– Вот и Дитрих, как увидел – так и обомлел. Но он парень не промах, наш Дитрих, сами знаете. Сиська – не сиська, дьявол – не дьявол, но дело свое он сделал – потоптал, повалил, а после эту адову тварь сюда привез. Вас не было – так вашему духовнику отдал. А отец Бонифаций приказал костер готовить. Будь его воля – сжег бы сатанинское отродье сразу, без промедления. Извелся весь, вас дожидаетесь. Да вон он, уж и сам бежит.

От толпы, действительно, отделилась толстенькая фигурка в рясе. Фигурка быстро-быстро семенила на коротеньких ножках и размахивала руками. В правой был крест.

– Грудь! – еще издали закричал священник, держать за левую сторону собственной груди. Вероятно, сердечно пошаливало у святого отца, а он носится тут, как полоумный.

– Гру-у-удь!

Подбежал, запыхавшись, насилу отдышался, заговорил снова.

– Грудь! Третья грудь! Знак сатаны!

Бурцев опешил. Сумасшедший? Или блаженный?

Выбритое темя блестело от пота. Подслеповатые глазки моргали. Крючковатый нос на морщинистом лице дергался, словно принюхиваясь и уже чуя запах дыма. Рот хватал воздух и выпихивал слова:

– Слава Создателю, наконец-то, вы вернулись, ваша милость! А то мы тут такое поймали... Ой! Сарацин-магометянин! Язычники! Иезус Мария!

Разглядев среди баронской свиты Хабибуллу, Бурангула и улыбающегося Сыма Цзяна, священник вскинул крест, как щит, отступил.

– Не волнуйтесь, святой отец, – успокоил священнослужителя фон Гейнц. – Иноземцы как и все мы, – добрые католики, хоть и вид имеют не совсем христианский. Все эти люди – мои гости. Они совершили долгий путь и прибыли к нам из благочестивого ордена Святой Марии, чтобы ... А, впрочем, вас это касаться не должно.

Разговорчивый барон все же умел прикусывать язык, когда нужно. Орденское посольство, как-никак, тайное, миссия – секретная.

– Да-да-да, – не особо вникая в смысл сказанного и не отводя глаз от «христиан» нехристианского вида, твердил в ответ пастор.

Фон Гейнц повернулся к Бурцеву, указал пальцем на бритую тонзуру священника.

– Позвольте представить, господин Конрад, это мой духовник и настоятель замковой часовни отец Бонифаций. Верный слуга Божий. Ну, и мой советник в некоторых мирских делах.

Затем барон вновь обратился к священнослужителю:

– А теперь рассказывайте, отец Бонифаций. Итак, сиська дьявола?

– О, да! Третья грудь на женском естестве! Коя, несомненно, дана грешнице, дабы вскармливать по ночам самого!.. самого!..

Священник захлебнулся в собственных криках.

– Да успокойтесь вы, святой отец, – перебил барон темпераментного клирика, – а то, ненароком, удар хватит. Мало мы с вами, что ли, исчадий ада уже пожгли. Если из-за каждого так волноваться – никакого здоровья не хватит.

– Вы как всегда правы, ваша милость, – смиренно склонил голову отец Бонифаций. – Заразу следует искоренять как можно скорее и без всякой пощады. Твердой рукой и с холодным сердцем искоренять. Жечь! Жечь! Жечь! Позвольте приступить? Все уже готово.

– Позволю-позволю. Только сначала посмотрим, что за ведьма такая, и что там у нее с грудью. Это должно быть любопытно.

Барон повернулся к Бурцеву:

– Не желаете взглянуть, господин комтур?

– Э-э-э...

Бурцев не знал, что и сказать. Ведьма, шпионка, сиська дьявола какая-то, намечающаяся казнь, на которой ему предлагали лучшие места в зрительской ложе. Все это несколько ошеломляло.

Молчаливое замешательство тевтонского посла барон расценил как знак согласия.

Глава 8

Костер был разложен возле самого рва. Аккуратно так разложен – по-немецки. Этакая поленница колодцем. Вокруг добротного сбитого дощатого эшафота. В центре – высокий столб. Понизу – охапки сухого хвороста и соломы. На дровах – ровнехоньких, одинаковых, словно на лесопилке напиленных, – потеки смолы и масла. Гореть такое сооружение должно с веселым треском и без дыма – жертва не задохнется, а именно изжарится заживо. Да... в чем-чем, а в казнях здесь толк знали.

А сама жертва уже стояла на дровяной куче. Прикована, примотана, привязана к столбу. Цепь и прочные пеньковые веревки, продетые сквозь пару железных колец, врезались в тело. Перекрученные путами сзади, за столбом, руки уже начинали синеть и опухать.

Молодая женщина лет двадцати с небольшим. Лица под длинными слипшимися волосами – пакля, а не волосы – так просто не разглядеть. Да и перепачкано все лицо. Дорожки слез на грязных щеках. Под глазом – синяк. Губы разбиты. Видимо, прежде чем отправить ведьму на костер, над ней здорово поизмывались.

Женщина была полуобнажена. Только нижняя юбка закрывала срам, а сверху, на обозрение всего честного люда выставлена... М-да... Голая грудь. Грудь. Счетом ровно три.

Три молочные железы. Две – очень даже ничего, упругие, пышные, соблазнительные, располагались, где положено. Одна чахлая, маленькая, с кулачок величиной – как у девочки-подростка, но вполне сформировавшаяся, с острым соском в центре – приютилась промеж ними. Под платьем такую и не увидать, но на неприкрытом теле «сиська дьявола» сразу бросается в глаза.

– Ой-ой-ой! – запричитала за спиной Бурцева Аделаида. – Мерзость-то какая! Смотреть тошно. Жгли бы уж поскорее адово отродье, не тянули.

– Помолчи, а? – попросил Бурцев.

За спиной фыркнули. Но заткнулись.

Дружинники только покачивали головами. Хабибулла, Сыма Цзян и Бурангул поглядывали вокруг. Тревожатся. Не ровен час, самих под горячую руку на костер загонят! Вон, уже заприметил кое-кто иноземцев нехристианского вида – волками смотрит на бусурман. Если бы не явная благосклонность Альфреда фон Гейнца и не баронская свита...

Впрочем, сейчас гудящую толпу больше занимало другое. Трехгрудая ведьма на костре. Это все-таки зрелище поинтереснее, чем сарацин и два азиата.

Бурцев прислушался к разговору латников, толпившихся по правую руку. Воины из замковой стражи оживленно обсуждали приговоренную.

– Интересно, ежели грудь у нее такая, что ж тогда промеж ног будет? Может, рог или копыто?

– Дурак ты! Коли рог или копыто там, как бы тогда ее Дитрих обихаживал?

– Обихаживал? А ты верь ему больше, Дитриху-то! Может, как увидел красоту этакую, так всю мужскую силу и подрастерял наш Дитрих. Может, расхотелось ему сразу.

– Думай, о чем говоришь? Чтоб Дитриху, да расхотелось!

– Нет, а все же интересно, что под юбкой-то у ведьмачки.

– А вот сторит юбчонка, тогда и посмотрим.

– Так не разглядеть же будет. Дым, огонь...

– А ты попроси отца Бенедикта, чтоб он только сзади поджигал. Тогда, небось, хорошо видно будет. Успеем разглядеть.

Хохот...

Альфред фон Рейнц объехал костер вокруг, с интересом рассматривая трехгрудую ведьму. Изрек:

– Н-да, хорош-ш-ша – аж сжигать жалко!

У Бурцева зародилась надежда, что аутодафе сегодня не состоится. Настроен фон Гейнц благодушно, а значит, мог из прихоти баронской пощадить трехгрудое чудо. Было бы здорово: смотреть, как человека сжигают заживо, Бурцеву совсем не хотелось.

– Хороша? – возмутился отец Банифаций. – Как вы можете, Ваша милость, говорить так о порождении геены огненной?!

– А что? Ведьмачка-то эта получше многих других порождений будет. По-моему, так даже самая безобидная из всех, что мы с вами на костер отправили.

– Безобидная?! – взвился священник, – Вы же знаете, кого оно кормит своим молоком! И вы называете эту тварь безобидной!

– А вы что скажете, господин комтур? – обратился к Бурцеву барон.

Бурцев сказать ничего не успел. Аделаида, сидевшая за спиной, опередила:

– У вас, что же, часто... такое? – лягнула княжна.

Фон Гейнц окинул удивленным взглядом странную «служанку», влезшую поперек орденского комтура. Но, видимо, припомнив, что девушка «немного не в себе», снизошел до ответа. По обыкновению – весьма подробного и многословного.

– Сейчас уже нет, не часто. А вот раньше... Почитай, каждый месяц по несколько костров класть приходилось. И шестипалых жгли, и трехруких, и четырехногих. И двухголовых даже. Но эти обычно уже мертвыми рождались. Так мы их мертвыми и палили. Вместе с матерями. Ясно ведь, от кого нагуляли. От доброго христианина такие дети не рождаются. А уж сколько скотины попорченной сожгли – страшно вспомнить. Телята, свиньи, козы, птица домашняя...

– Кем? – спросила Аделаида.

– Что кем?

– Кем попорченной?

– Да уж известно кем...

Нет, барон, определенно был в хорошем настроении, раз соизволил поддержать разговор с простой орденской служанкой. Впрочем, на миловидную тевтонскую сестричку в уродливом балахоне фон Гейнц поглядывал всю дорогу. И, судя по интересу, проявленному по отношению к ведьме, слабый пол интересовал барона ничуть не меньше, чем этого... как его... лысого Дитриха.

Бурцев нахмурился. Не нравилось ему все это – ученный уже. Был один такой немец, заглядывавшийся на Аделаидку. Плохо оно кончилось.

А болтливый барон продолжал:

– Проклятый треугольник здесь у нас под боком, – с какой-то противоестественной гордостью сообщил фон Гейнц. – Не на наших землях – Господь миловал! – у швейцарцев. Но утешение небольшое. Все деревеньки, что окрест стоят, регулярно поставляли адово отродье для костров отца Банифация. Даже когда люди оттуда ушли, в семьях, что жили там прежде, нет-нет, да уродится жуть какая-нибудь. Проклятое место – одно слово...

– Проклятое... Место... – сдавленным шепотом повторили сзади.

Аделаида за спиной дрожмя дрожала. Это Бурцев ощущал даже через плотный поддоспешник-гамбезон и кольчугу.

– Земпахское, Бальдекерское и Фирвальдштетское озера, – продолжал фон Гейнц. – Вот границы того треугольника. Раньше там еще стояли города и поселки. Люцерн, Земпах, Хильдсриден, Гисликон. Теперь – только развалины. По сию пору, кто сунется туда – назад не возвращается.

– А что, многие суются? – вступил в разговор Бурцев.

Таинственная аномальная зона – эти новоявленные Бермуды в самом центре Европы – его заинтересовали.

– Нет, конечно, – ответил барон. – Добрые католики туда не ходят. Кому ж охота душу свою бессмертную губить. Даже приближаться к проклятым местам люди боятся. Только нечисть всякая там нынче бродит.

– И что ж такое стряслось в этом треугольнике, а, барон?

– Так я же говорил, вроде, при нашей встрече – адова бездна там разверзлась на погибель швейцарцам. Геенна огненная открылась. А было то, дай Бог памяти, двадцать пять, нет – двадцать четыре года назад. Когда герцог Леопольд Третий Австрийский бить швейцарцев ходил. Да вот святой отец вам лучше расскажет, если интересуетесь. Он сам все видел. Правда, издалека. Но потому лишь и уцелел.

– Видел-видел, – закивал отец Бонифаций. – С Бальдекерских гор. Его Светлость граф Вюртембергский Эбергард IV, именуемый Добрым⁶ по приказу Его Сиятельства герцога Австрийского Леопольда III заходил в тыл швейцарцам. А я был в том отряде духовником.

– Что вы видели, святой отец? – поторопил Бурцев.

Каноник закатил глаза. Давняя картина, казалось, все еще стоит перед его взором.

– Яркую вспышку. До того яркую, что смотреть больнее, чем на солнце, было. Огненный шар, в мгновение ока испепеливший Хильдисриден, где доблестные рыцари в пешем строю бились с швейцарцами. Потом... потом столб пыли и дыма до самых небес. Он был похож... на гигантский гриб.

– На что? – Бурцев насторожился.

– На гриб. А после – и вспомнить страшно – волна пламени покатила к трем озерам и за Рейс-реку. Огонь пожирал все, что могло гореть. И всех. Спаслись смогли лишь австрийские всадники, оставленные на подступах к Сурзе охранять дорогу для обозов. Впрочем, и они погибли месяца за два-три. Кто-то дольше протянул, кто-то меньше, но в итоге всех Господь прибрал к себе, всех до единого. И каждому перед смертью явил милость свою – дал облегчение мукам, дабы сумел страдалец исповедаться и причаститься. А мучения были страшные. Тошнота, рвота, а слабость такая, что есть никто не мог. И понос кровавый. И мочились бедняги тоже кровью. И изо рта-носа кровь шла. И волосы выпадали. Лошади ускакавших из-под Сурзе тоже все передохли. Я сам долго болел, но Господь уберег меня, грешного-недостойного. Наверное, оттого, что не лез в самое пекло. Издали за всем наблюдал. И не долго совсем. Наш отряд, как увидел, что творится, сразу – на коней и за перевал...

⁶ Прим: реальный Эбергард IV Добрый родился в 1364, умер в 1417 гг.

Глава 9

Бурцев слушал и медленно выпадал в осадок. Неужели?! Неужели атомный взрыв? Но откуда в начале пятнадцатого столетия взяться ядерному заряду? Неоткуда! Если только...

«Атоммине» цайткоманды? Но разве такое возможно? «Атоммине» осталась в хронобункере СС с запущенным часовым механизмом. И на часах – меньше четырех минут. Так как же?

Может, все-таки не взрыв? Может, природный катаклизм какой? Ну, крупный метеорит, к примеру?

– А сверху на этот, как его, Хильдисриден ничего не падало? – поинтересовался Бурцев. Священник поджал губы:

– Я же сказал: адское то пламя было. И шло оно снизу.

Хм... Извержение вулкана?

– А адское пламя разливалось, подобно лаве или...

– Разносилось подобно ветру.

Так-так-так... А еще этот таинственный недуг, выкосивший остатки герцогского воинства. Уж очень он смахивает на симптомы лучевой болезни, как минимум, средней степени тяжести. Как бы ни были прочны рыцарские латы, а от радиации они не спасут. Да, все сходится – даже характерный при радиоактивном поражении организма кратковременный период ремиссии – то самое «облегчение мукам», что дало возможность умирающим спокойно исповедаться и причаститься.

Ну, и наконец, главное... Бурцев еще раз взглянул на трехгрудую ведьму. Вот она откуда взялась, пресловутая «сиська дьявола» Результат мутации это. Как и все прочие уродства взбудоражившие округу.

– Ну, так что, поджигать, Ваша милость? – торопил отец Бонифаций.

– Сначала моя милость явит милость этой ведьме, святой отец.

– Милость?! Ведьме?! – священник не понимал барона и не желал понимать. – О чем вы говорите?!

– Пусть она ведьма, но ведь и дама к тому же, – хмыкнул фон Рейнц. – А я, как-никак, рыцарь. Так что... Пусть ее придушат перед сожжением. Чтоб не мучилась.

– Но...

– Не спорьте, святой отец. Грешное тело, как и должно, будет предано огню. А большего не нужно.

Наверное, в данной ситуации это было верхом милосердия и благородства. Однако Бурцеву по-прежнему не хотелось становиться молчаливым свидетелем бессмысленного смертоубийства.

– Позвольте, господин барон, – он повернулся к фон Гейнцу.

– Да, слушаю?

– У меня будет к вам одна просьба весьма деликатного характера.

– Чем я могу помочь, почтенный комтур?

– Отдайте ведьму мне.

Аделаида сзади чуть не грохнулась на землю.

– Вам?! – брови фон Гейнца скрылись где-то под поднятым забралом. – Помилуйте, но зачем вам ведьма?!

Отец Бонифаций встревожился.

– Тварь следует изничтожить! – гневно потряс крестом священник. – Как можно оставлять в живых такую мерзость?

– Вацлав! – зашипела в ухо Аделаида. – На кой ляд тебе сдалась эта мерзопакостная девка?!

Бурцев ответил.

Сначала – барону и священнослужителю:

– Братья ордена Святой Марии в живых мерзость не оставляют. Но вначале я намерен с ней поговорить и расспросить кое о чем...

Соврал, конечно. Рыцарь и святой отец непонимающе хлопали глазами.

– О чем спрашивать ведьму?! – вознегодовал отец Бонифаций.

Пришлось сочинять на ходу:

– Какому демону она подчиняется. Как поддерживает связь с ним. С какого конца садится на помело. Ну, и вообще, не мешало бы учинить следствие по всей форме.

– Вацлав, – шептала за спиной супруга, – признавайся, зачем тебе девка с тремя грудями? Тебе двух моих мало, да?

Бурцев процедил сквозь зубы:

– Не ревнуй. Я просто не люблю, когда жгут невинных людей.

– Ревновать? – дернулась Аделаида. – Тебя? К ней?! – Много чести вам обоим! И кого ты тут называешь невинным?

– Тихо, – предупредил Бурцев. – Веди себя, как подобает служанке. Иначе мы тоже всей толпой отправимся на костер. Хочешь гореть в одном пламени с ведьмой?

Аделаида заткнулась. Видимо, не хотела. Вместе с трехгрудой ведьмой – точно нет.

Барон хмурился:

– Следствие, значит? Вы имеете в виду пытки, господин комтур? Ну, если это, действительно, так необходимо, мы можем устроить... В подвалах замка имеются темницы с пыточным инструментом. Хотя, честно говоря, я бы...

– Вообще-то, я говорю не о пытках, – перебил Бурцев.

Лицо фон Гейнца вытянулось.

– Но как проводить дознание без пыток?! Разве такое возможно?

Бурцев сделал постную физиономию.

– Слово Божие, только лишь слово Божие...

– Вы полагаете, я не читал молитв над этой ведьмачкой?! – брызгая слюной, встрял отец Бонифаций. – Да с тех пор, как ее сюда доставили, только этим занимаюсь. И думаете, я добился признания или раскаяния? Это сатанинское отродье лишь бранится. И притом, замечу, – весьма премерзопакостно! Я подозреваю, помимо прочего, тут имеет место быть великая одержимость.

– Я, конечно, никоим образом не хочу ставить под сомнение ваш непререкаемый авторитет, святой отец, – мягко произнес Бурцев. – Однако должен заметить, что братья-каноники ордена Святой Марии, уже не одну сотню лет оберегающего границы христианского мира от язычников и прочих врагов истинной веры, являются все же более сведущими в некоторых вопросах противоборства с нечистой силой.

Глава 10

Священник из Шварцвальдского замка обиделся, побагровел, фыркнул гневно. Ладно, пусть себе...

Бурцев продолжил, обращаясь уже к фон Гейнцу:

– Господин барон. При нашем посольстве состоит лучший м-м-м... экзорцист ордена.

Позвольте представить – отец Джеммонд.

– Кто? – живо заинтересовался рыцарь. – Где?

Бурцев кивком указал на Джеймса Бонда. А что? Папский брави вполне мог стодиться для этой роли.

– Но разве сейчас требуется экзорцизм? – неистовый отец Бонифаций рвался в теологический диспут.

И нарвался.

– Экзорцизм требуется всегда, – весомо и назидательно ответил Бурцев. – В общении с порождениями ада – особенно. Да и вы и сами только что упомянули о случае великой одержимости?

Крыть было нечем. Отец Бонифаций лишь беззвучно шевелил губами.

– К тому же отец Джеммонд прославился не только изгнанием дьявола, – с серьезным видом добивал оппонента Бурцев. – Он еще и великий чудотворец. В свое время отец Джеммонд вернул себя утраченный глаз. Я сам был тому свидетелем.

Еще в Венеции грозный брави Джеммонд Одноглазый, действительно, преобразился в двуглазого.

– Так что, возможно, он даже сумеет избавить несчастную от третьей груди.

– Меч? – не без интереса спросил фон Гейнц. – Или отец Джеммонд хочет прижечь сиську дьявола раскаленным железом?

– Слово Божие, – повторил, закатывая глаза, Бурцев.

– А если не получится? – не унимался замковый духовник. – Лишняя грудь, выкармливающая по ночам врага рода человеческого, – это не волос. Так просто от нее не избавишься.

– Если не получится, отец Джеммонд узнает от нее, – Бурцев глянул на осужденную, – все, что должно знать. А после – убьет ведьму.

– Ее тело должно сгореть в огне, – хмуро заявил отец Бонифаций.

– Не обязательно. Есть иные, не менее действенные способы, известные, правда, лишь опытным борцам с нечистой силой и лучшим экзорцистам.

Отец Бонифаций захлопнул варежку.

– Мы можем присутствовать при допросе? – поинтересовался барон.

Альфред фон Гейнц был очень любопытен.

– Лучше не надо, – твердо сказал Бурцев. – Во-первых, посторонние лишь помешают отцу Джеммонду своим присутствием. А во-вторых, обряды, которые он станет проводить над ведьмой, – это весьма опасное таинство. Изгнанная нечистая сила может овладеть непосвященным и незащищенным. Вам ведь не хочется, чтобы на вашей груди тоже выросла сиська дьявола, любезный барон?

Фон Гейнц побледнел.

– Не-е-ет...

«Отец Джеммонд» уже подыгрывал Бурцеву, важно кивая. Притихший отец Бонифаций смотрел на коллегу-экзорциста с уважением и страхом.

Барон покачал головой. Пробормотал под нос:

– Удивительных все же послов шлет нынче орден. Не зря меня предупреждали.

Затем фон Гейнц махнул рукой, гаркнул:

– Отогнать всех от костра! Очистить пространство! Казни не будет.

Ведьму с поленицы Бурцев снимал под разочарованный гул толпы сам. Полуголую, изви- вающуюся, как змея, норотившую укусить. Ничего... справился. После взбалмошной Адела- иды с любой мегерой справишься. Вот только...

Глаза только так и цеплялись за обнаженную женскую грудь. За третью – среднюю – по большей части. И не одни глаза. Рука во время возни на эшафоте тоже пару раз соскользнула. Случайно – уж слишком трепыхалась черовка. На ощупь третья грудь оказалась такой же упру- гой и волнующей, как и две другие. Да уж, да уж...

Едва Бурцев стащил мутантку на землю, как кто-то сильно дернул его за плащ. Какого?!. Бурцев оглянулся.

Аделаида! Княжна была в бешенстве.

– Чего пялишься на нее? – зашипела полячка. – Чего лапаешь? Понравилась ведьма, да? Блин, опять начинается!

– Уймись, – шикнул Бурцев. – На нас люди смотрят.

И – громче:

– Не волнуйся, сестра, ведьма не причинит нам вреда.

Ведьму он отдал на попечение Джеймсу. Распорядился – тихо, чтоб никто не услышал:

– Смотри в оба. Не дай сбежать, а то точно прикончат ее тут. И сам не вздумай убивать, понял?

– Да что я, душегуб какой-то, что ли?! – возмутился лучший киллер Венецианской рес- публики Джеймс Банд. – Бабу без причины резать не стану.

– И правильно. И не надо. Помни – никакая она, на самом деле, не ведьма. На лишнюю грудь не обращай внимания. Остальное позже объясню.

– А-а-а, – махнул рукой Джеймс. – Ведьма – не ведьма. Одной сиськой больше, одной меньше. В венецианских борделях мне доводилось видеть и не таких уродин-куртизанок. Они стоили дорого и сношались вовсе не с нечистой силой.

– Правда? – удивился Бурцев.

– Ну да. Ублажали пресыщенных аристократов из знатнейших родов. Так что лишней грудью меня не напугаешь. И потом... Что значит третья грудь в мире, где папствуют сразу аж три папы.

Да, похоже, троепапство на Джеймса произвело куда большее впечатление, чем все остальное. Увы, столь же терпимыми оказались не все. Подошел Освальд. Спросил тихонько, накручивая на палец длинный ус:

– Слушай, Вацлав, зачем нам связываться с нечистой силой? Ведьму спасти – грех. Жгли ее немцы – и ладно. А нам ноги отсюда уносить надо.

– Ну, знаешь, Освальд! – Бурцев нахмурился. – Когда-то в Новгороде и меня чернокниж- ником объявили. Тоже сжечь хотели. Нет, баба эта останется с нами. Я ведь, и правда, погово- рить с ней хочу. Глядишь и, расскажет что путное. А сбежать мы пока все равно не сможем. Никто не отпустит. Подождем ночи. В темноте ускользнем проще будет.

Освальд сокрушенно покачал головой, но отошел.

И – вновь подступила Аделаида:

– Что, совсем околдовала тебя ведьмачка, да, муженек?

Бурцев сплюнул. Ну, достала!

– Знаешь, Аделаида, если и встречал я на своем веку настоящую ведьму, так то не она, – он кивнул на мутантку.

– А – я, да? – правильно поняла Аделаида.

– Вацлав, Агделаида, потише вы, – Ядвига поспешила встать меж ними. – К нам направ- ляется Его Милость.

Спешившийся барон фон Гейнц, действительно, шел по очищенному от зевак пространству.

– Все хорошо? – осведомился рыцарь, приблизившись. – Мне показалось, будто орденская сестра позволяет себе...

– Нет, все в порядке, барон. Сестра просто очень боится ведьмы и просит позволения держаться от нее подальше. – Бурцев поспешил сменить тему: – А где же Его Императорское Величество? Он не выходил смотреть на казнь?

Пышной императорской свиты, поблизости не наблюдалось.

– Его Величество Рупрехт Пфальцский все прекрасно видит во-о-он из той башни, – понизил голос фон Гейнц. – И выходить из замка лишний раз ему незачем. Император прибыл сюда прошлой ночью, втайне. А в толпе могут оказаться лазутчики швейцарцев или недовольных императором курфюстов. Не забывайте, о переговорах Его Величества с орденом прежде времени не должен знать никто. Для обывателей вы – не послы, а обычные рекрутеры, объезжающие города и замки империи, чтобы собрать под знамена братства Святой Марии рыцарей и кнехтов для предстоящей войны с Польшей и Литвой.

Бурцев кивнул. Вот, оказывается, какой легенды им следует придерживаться. Что ж, неплохая легенда. Только нужно будет, чтобы Сыма Цзян, Бурангул и Хабибула закрыли лица шлемами и не снимали их без крайней нужды.

– Вы ведь, конечно, знаете об этом, – барон встревожился, – ну, о том, что вам надлежит играть роль рекрутеров?

– Конечно, знаю, – заверил Бурцев.

Теперь он знал. Теперь – конечно, знал.

– Ну, тогда прошу следовать за мной.

– Куда?

– На аудиенцию. Из замка прибыл посланник. Его Императорское Величество желает встретиться с вами немедленно, господин комтур.

Глава 11

– Странный вы все-таки посол, комтур, – такими словами встретил Бурцева император. Холодные взгляд скользнули по лицу «посла», по доспехам, которые давным-давно вышли из рыцарской моды. По гиммлеровской папке со свастикой – ее Бурцев сунул за пояс. Такие бумаги лучше держать при себе.

– Очень странный...

Бурцев решил промолчать. Только склонил голову перед монархом. Помогло...

Император ответил сдержанным кивком. И, вроде, успокоился.

Его Императорское Величество Рупрехт Пфальцкий, чей полный титул звучал длинно, коряво и неудобнопроизносимо – Курфюрст Пфальцкий, Король Немецкий, Император Священной Римской Империи – был человеком сухим, резким и жестким. В делах и поступках, в движениях и словах. Колючий взгляд условного властителя условной империи мог вызывать либо страх, либо неприязнь – третьего не дано. Подергивалось в тике левое веко, губы были плотно стиснуты, кулаки – сжаты.

Император был уже в возрасте, для этих времен весьма почтенном – далеко за пятьдесят. Или уж скорее около шестидесяти⁷. Но выглядел относительно молодо и был полон энергии. Вот только нервы расшатаны до безобразия. И волосы – седые-преседые.

Десять лет назад Рупрехт Пфальцкий был избран на императорский престол вместо короля чешского, курфюрста бранденбургского Венцеслава, свергнутого другими равноправными курфюрстами священной империи. Не желая повторить судьбу своего предшественника, Рупрехт давно уже вынашивал тайные планы объединения разрозненных германских земель и укрепления номинальной императорской власти. Подчинить курфюрстов – вот в чем он видел смысл оставшейся жизни. Тевтонский орден был потенциальным и, пожалуй, самым могущественным союзником Его неудовлетворенного сложившимся положением дел Величества.

– Проклятая булла! – неожиданно провозгласил император. – Все эта проклятая «Золотая булла», подписанная бесхребетным папашей Венцеслава Карлом IV Люксембургским!

Рупрехт быстрыми шагами мерил комнату, с ожесточением впечатывая в каменный пол кованые каблуки тяжелых сапог. Поступь звучала грозно. На перевязи слева свисал длинный меч, тяжести которого пожилой Рупрехт, казалось, не замечал вовсе.

«Крутой старикан», – думал Бурцев. И молчал. И слушал. Молчать и слушать сейчас было безопаснее. Бурцев ни малейшего представления не имел, о чем сейчас следовало говорить.

Помещение, предоставленное хозяином замка для переговоров, располагалось в восточном крыле замка и имело два окошка-бойницы, выходивших на замковый ров. Ну что еще... Закопченный камин, потрескивающие факелы, массивный стол от стены до стены, уставленный снедью на добрую дружину, пара длинных лавок, тяжеленный стул с подлокотниками, высокой спинкой и необоснованными претензиями на трон. И запертая дверь. Массивная, дубовая, обитая железом.

По ту сторону двери дежурит молчаливая стража императора. По эту находятся переговорщики. Расхаживающий Рупрехт Пфальцкий и фальшивый «комтур». Больше на встречу за закрытой дверью не пустили никого. Дружине и освобожденной ведьме пришлось остаться на замковом дворе под охраной императорской стражи. И Бурцев крайне неудобно чувствовал себя за огромным пустующим столом. Да еще и без оружия. Все колюще-рубяще-режущие предметы его попросили сдать. Мнительный император не доверял никому. Даже потенциальным союзникам.

⁷ Реальному императору Рупрехту Пфальцкому в 1410 году было 58 лет

Наверное, правильно делал.

– Булла Карла Люксембургского полностью развязала курфюрстам руки, – сокрушался Рупрехт. – Семь выборщиков-курфюрстов: архиепископ Майнцский, архиепископ Кельнский, архиепископ Трирский, король Чешский, герцог Саксонский, пфальцграф Рейнский и маркграф Бранденбургский вправе смещать и избирать императора Священной Римской империи!⁸ Ну, куда это годится? Я вас спрашиваю, комтур!

«Демократия, однако, – мысленно усмехнулся Бурцев. – Вернее, олигархия какая-то» И поспешил ответить:

– Никуда. Никуда не годится, Ваше Величество.

– Вот потому-то мы должны действовать быстро и беспощадно. Мы должны опередить мерзавцев, растаскивающих империю по кускам. Но, как вы понимаете, мои возможности весьма ограничены. Десять лет назад, еще в самом начале своего правления, я попытался приструнить разжиревших бюргеров, но, как выяснилось, мне не по силам совладать даже с горожанами, обретшими в наше паскудное время невиданные вольности. Два десятка швабских городов объединились против меня в Марбахский союз. И что вы думаете? Мне, императору, пришлось отступить!

Перед началом делового разговора Рупрехту нужно было просто излить душу. Видимо, наболело. И Его Величество всю эксплуатацию уши тевтонского посла. Того, кого он принимал за посла ордена Святой Марии. Бурцев не возражал. Свои уши он с готовностью отдал в полное распоряжение Рупрехта Пфальцского. И слушал, слушал... Запоминал. Мотал на ус.

– Именуясь императором, я изначально лишен реальной власти. Вместо того, чтобы заботиться об объединении, расширении и процветании империи, я вынужден потакать желаниям курфюрстов, от которых всецело завишу. Я... – Рупрехт перестал ходить, остановился перед Бурцевым. – Я чувствую себя беспомощной марионеткой, которую дергают за ниточки все, кому не лень.

Император грохнул кулаком по столу. Опрокинувшийся кубок едва не заляпал вином цвета крови тевтонский плащ псевдокомтура.

Ого! А марионетка-то с норовом! Такая кукла на ниточках болтаться не станет. Такая порвет их всех к едрене фене, ниточки эти. Рано или поздно, но порвет.

– Надежных союзников у меня почти нет, – продолжал Рупрехт Пфальцкий. – Опереться не на кого. Мало кто из удельных князьков заинтересован сейчас в укреплении императорской власти. Вот разве что на барона фон Гейнца и на его сюзерена графа Вюртембергского Эбергарда IV можно положиться. И то потому лишь, что без моей помощи их обоих с потрохами сожрут швейцарцы. А в остальном...

Бурцев снова молчал и внимал, как плохо живет «в остальном» императору без империи. Одну королеву без королевства Бурцев уже видел – Алису Шампанскую, изгнанную с Кипра тевтонами и средиземноморской цайткомандой СС. Печальное то было зрелище. Но там другое, совсем другое. А здесь...

– ...Поэтому я и обратился к вашему гроссмейстеру, комтур.

Бурцев насторожился. Кажется, прелюдия закончена, кажется, Рупрехт заговорил о деле.

– Собственно, и не я даже. Люди магистра Ульриха сами вышли на меня и предложили подумать о союзе. Это случилось после того, как церковный собор в Пизе низложил римского папу Григория XII. А ведь с Его Святейшеством можно было договориться. Он соглашался оказать мне поддержку в объединении Священной империи, если я займу его сторону в про-

⁸ Прим: речь идет о так называемой «Золотой булле» 1356 года, в которой Карл IV (1347—1378 гг.) подтвердил полномочия коллегии из семи курфюрстов выбирать императора большинством голосов. Кроме того «Золотая булла» закрепляла за субъектами империи ряд политических и экономических прав. По сути, булла значительно укрепляла власть князей-курфюрстов и сводила к минимуму верховную императорскую власть в Священной Римской империи.

тивостоянии с авиньонским антипапой Бенедиктом XIII, за которого горой стоят французы и испанцы.

Бурцев мысленно усмехнулся. Услуга за услугу? Да уж, бескорыстностью большая политика средних веков не страдает. Как и любая другая.

– Увы, понтифик оказался столь же беспомощен перед своими кардиналами, как я – перед курфюрстами, – скорбно покачал головой Рупрехт. – Правда, пизанский собор в надежде преодолеть затянувшийся церковный раскол вместе с Григорием XII сверг заодно и Бенедикта XIII. Взамен кардиналы избрали нового папу Александра V. Только раскол после этого лишь усилился. Ни Григорий XII, ни Бенедикт XIII не признали власть нового папы, и теперь уже не два, а целых три понтифика поливают друг друга грязью. Каждый отлучает других от церкви, не желая уступать папскую тиару. Излишне говорить, что в этой ситуации никто из них уже не обладает ни влиянием, ни силой. А какой смысл договариваться с заведомо беспомощным союзником?

– Никакого, – кивнул Бурцев. Сейчас он готов кивать и поддакивать сколь угодно долго, лишь бы не высказывать собственного мнения. Уж слишком все сложно. Настолько, что одно неосторожно брошенное слово может продемонстрировать nepозволительную для тевтонского посла неосведомленность. Подозрительную неосведомленность.

– Вот именно что никакого. Особенно, если помощь предлагает другой союзник – могущественный и влиятельный. Не скрою, я сомневался. Очень сомневался. О вашем ордене, комтур, ходят самые разные слухи. Говорят, в борьбе за власть тевтонское братство не гнушается ничем. Говорят даже... – император понизил голос, – говорят, будто вы призывали в союзники силы ада. До сих пор в Венеции и Святых Землях о немецких крестоносцах вспоминают с содроганием. Да и из Пруссии, где нынче обосновался орден, до нас доходят самые м-м-м... невероятные слухи.

Глава 12

Император замолчал, выжидая. Бурцев молчал тоже.

Рупрехт не выдержал первым:

– Вы, как я посмотрю, опытный дипломат, комтур. Слов на ветер не бросаете...

– Не бросаю, – подтвердил Бурцев.

Было бы, блин, что бросать...

– Ладно, тогда, так и быть, сначала выскажусь я. Когда орденские братья сообщили, что намерены возвести на папский престол своего ставленника, я не поверил. И вот, пожалуйста, – недавно мои шпионы сообщают мне о кончине Александра V в Болонье⁹. Кончине настолько неожиданной и скоропостижной, что все они в один голос утверждают, будто папа отравлен. Вопреки воле многих кардиналов место усопшего занял взявшийся невесть откуда некто Бальтазар Коса. О котором, кстати, говорят, будто он – бывший пират, разбойник и распутник. Кто стоит за Бальтазаром – неизвестно. Зато известно, что новый понтифик прекрасно разбирается в военном деле и поддерживает тесную связь с братством Святой Марии. Нарекшись именем Иоанн XXIII, Косса уже вступил в борьбу с Бенедиктом XIII и Григорием XII и, насколько мне известно, ведет ее более чем успешно.

В общем, взвесив все «за» и «против», я дал согласие на тайную встречу с послами ордена в Шварцвальдском замке. Я прибыл сюда тайно, с малой свитой из самых верных рыцарей. Самолично ехать к вам в Мариенбург мне нельзя – не хочу демонстрировать свои намерения перед курфюрстами. Здесь же, в Швабии, у них соглядатаев меньше, чем в любом другом княжестве. И потом... Кому придет в голову, что император отправится в беспокойные приграничные земли, на которые постоянно совершают набеги голодранцы из швейцарских кантонов?

– Разумно, – глубокомысленно вставил Бурцев.

– Чтобы не привлекать излишнего внимания к замку барона, я даже попросил не приезжать сюда его сюзерена – доброго графа Эбергарда Вюртембергского. Для охраны нам достаточно воинов фон Гейнца и моих рыцарей. Так что, надеюсь, здесь мы сможем спокойно обсудить интересующие нас вопросы.

Пауза. Обмен изучающими взглядами.

– А теперь давайте подумаем, что мы можем предложить друг другу? Итак – вы? Что вы можете предложить мне, господин посол?

Больше отмалчиваться было нельзя. И Бурцев рискнул:

– Помощь в объединении империи под единой дланью, Ваше Величество.

Ожидания Рупрехта Пфальцского были очевидными.

– Чья это будет длань? – все же уточнил император.

– Ваша, разумеется.

– Хорошо бы, если так, – Рупрехт задумался. – Впрочем, сейчас не верить вам у меня нет оснований. Вряд ли вы найдете для объединения империи более подходящую кандидатуру. И вряд ли со многими курфюрстами вам будет договариваться проще, чем с одним императором. Но что вы хотите взамен? Ведь никакая помощь в этом мире не дается безвозмездно. Никому. Ни от кого. И я не настолько наивен, чтобы льстить себя надеждой на бескорыстие ордена.

Бурцев мучительно соображал. А чего бы настоящий орденский посланник попросил у императора, восседающего на шатком престоле? Он не знал. Но это вовсе не значит, что этого не знает сам император.

– Давайте подойдем к этому вопросу иначе, Ваше Величество, – мягко сказал Бурцев. – Какую цену вы сами готовы заплатить за реальную власть над Священной империей?

⁹ Прим: реальный Александр V скончался в мае 1410 г.

– О, да вы более опытный дипломат, чем я полагал вначале. – Рупрехт поднял брови. Видимо, так торговаться ему еще не приходилось. – Я рад за вашего магистра, комтур, у него есть толковые послы.

Бурцев отвесил благодарный поклон. Император усмехнулся.

– Вы вновь заставляете говорить меня, не открывая своих собственных карт. Ну, хорошо... У меня есть предложение. Вам ведь требуются рыцари для очередного похода на восток, так? Польша, Литва, Русь и дальше...

Бурцев изо всех сил старался сохранить каменное выражение лица. Рупрехт хищно улыбался.

– А-а-а, комтур. Вижу-вижу... По глазам вижу, что угадал. Впрочем, это было не трудно. Истинные помыслы братства Святой Марии, постоянно расширяющего границы своих владений, скрыть невозможно.

Бурцев сглотнул.

– Что ж, во внутренней политике мой голос мало что решает, – продолжал Рупрехт, – но для перспективной военной кампании за пределами империи я все же могу собрать войско и притом немалое. Мне по силам убедить курфюрстов в необходимости похода на восток. Это сделать легко. Каждый из них жаден до новых земель. Мелкопоместное же и, в особенности, безземельное рыцарство жаднее во стократ. А земли восточных язычников и сторонников греческой ереси так притягательны...

– Захватить их будет непросто, – заметил Бурцев.

Рупрехт отмахнулся.

– Ну, что касается потерь... Знаете, чем больше ослабнут в сражениях спесивые князьки, тем лучше.

– Значит, вы полагаете...

– Да, я думаю, немецкие курфюрсты, герцоги, графы, бароны и обедневшие рыцари с радостью встанут под знамена ордена. И не только они. Наверняка, выступить в поход пожелают и иноземные искатели легкой добычи.

– Орден и сам мог бы собрать всех желающих под свои знамена, – осторожно предположил Бурцев. – Без Вашей помощи, простите за дерзость.

Настоящему дипломату всегда надлежит поломаться, прежде чем дать согласие. И потом, если рассуждать здраво – действительно, ведь орден мог бы...

– А сколько времени на это уйдет? – прищурился император Рупрехт. – И не забывайте, милейший комтур, что посланцам братства Святой Марии, действующим в германских землях по своей инициативе, придется пересекать множество границ герцогств, графств, маркграфств, пфальцграфств, бургграфств, епископств, не говоря уж о владениях мелких баронов и рыцарей. Где гарантия, что без моей поддержки поддержки и охранных грамот ваши люди смогут беспрепятственно пройти весь этот путь?

– А почему нет?

– О, не будьте таким наивным, комтур! Во-первых, в империи сейчас неспокойно. А во-вторых, не каждый рыцарь захочет делиться славой, а главное – добычей – с соседом.

– Земель на востоке хватит всем, – посмел высказать свое мнение Бурцев.

– Так не бывает, любезный комтур. Земель не бывает достаточно много для всех. И потом... Крупным отрядам и отдельным рыцарям, внявшим призывам ордена, тоже ведь придется двигаться к Пруссии по чужим землям. И разрозненные войска пойдут вразнобой, кто во что горазд. Значит, неминуемы разорения селений, оказавшихся на пути конфликты и стычки. Сбор армии затянется надолго. А тем временем поляки, литовцы и русичи могут, объединившись, нанести упреждающий удар по ордену. Вы не глупы и должны понимать, что с союзником в лице какой-никакой, но единой императорской власти вопросы подготовки к войне решаются проще и быстрее. Я могу организовать курфюрстов. Курфюрсты, если увидят в том

собственную выгоду, организуют своих вассалов. И орден получит отряды, рвущиеся в битву, гораздо быстрее.

Они помолчали, глядя в глаза друг другу.

– Да, пожалуй, вы правы, – вынужден был согласиться Бурцев.

– Тогда, быть может, вы признаете мою правоту и в другом? Мне кажется, будет справедливо, если в будущем Священная Римская империя, подчиняющаяся исключительной и абсолютной власти императора, начнет расширять свои владения за счет западных европейских земель, в то время как Литва, Польша и русские княжества станут плацдармом для продвижения братства Святой Марии на восток. Мы будем жить, как два мирных соседа, не мешая друг другу расти и помогая по мере необходимости.

Рупрехт умолк, криво ухмыляясь. Вообще-то, все это напоминало дележку шкуры еще неубитого медведя. Но Бурцеву отчего-то улыбаться не хотелось. Даже мысленно.

– Ну, так как? Устроят ли мои требования вашего верховного магистра? Или решать такие вопросы не в вашей компетенции и потребуются еще одно посольство?

Бурцев кивнул:

– Устроят.

Настоящий посол, возможно, и поостерегся бы говорить за гроссмейстера братства Святой Марии, но ненастоящему – проще. Ненастоящему можно раздавать любые обещания.

– В таком случае остается последний нюанс, – император подался вперед. Рупрехт смотрел на собеседника не моргая. – Кто кому помогает первым? Орденские отряды под моим руководством наводят порядок в империи или я собираю войска спесивых курфюрстов для нужд ордена? Для меня, конечно же, предпочтительнее первый вариант, но вас, как я понимаю, поджимает время. Польша, Литва и Русь – беспокойные соседи, не так ли?

– Так.

– Ну, а раз так, может быть, мы обсудим сумму, которую в состоянии заплатить тевтонское братство за то, что я окажу услугу первым?

– Сумму?!

Рупрехт Пфальцский оказался хватким монархом. Такому палец в рот не клади.

– Ну конечно. Все слышаны о богатствах ордена Святой Марии, господин посол...

Протяжный заунывный звук, похожий на стон издыхающего мастодонта, неожиданно прервал их беседу. Звук доносился снаружи, откуда-то из-за стен замка, и через окна-бойницы проникал в комнату переговоров.

Рупрехт нахмурился:

– Рог? Кого принесла нелегкая?

Из узких оконцев разглядеть это оказалось невозможно. Из бойниц вообще не видно было замковых ворот. Зато смотреть, как мечутся по верхним боевым галереям фигурки стражников, ничто не мешало.

Рупрехт шагнул к двери. Отодвинул засов. Приказал страже:

– Проверить, кто прибыл. Быстро!

Ждать пришлось недолго.

Молодой оруженосец, посланный на стены, вернулся перепуганный и озадаченный. Оруженосец хлопал глазами, пялился то на грозный лик императора, то на насупленную физиономию Бурцева. И молчал.

– Ну? – недовольно поторопил Рупрехт.

– Там это... это там...

Бедняга силился совладать с собой. И никак не мог.

– Кто там? – Его Величество Рупрехт Пфальцский схватил оруженосца за грудки.

Встряхнул как следует – у бедняги аж кольчуга звякнула.

Оруженосец сглотнул. С величайшим трудом выдавил из себя:

– Братья ордена Святой Марии. Так они назвались.

Глава 13

– Стойте спокойно, комтур!

Рупрехт Пфальцкий отдал этот приказ с мечом наголо. Оружие из ножен он вырвал раньше, чем Бурцев приблизился к открытой двери. Шустрый, блин, Его Императорское Величество! Даром, что почти старик.

Бурцев остановился. Пришлось: помимо клинка Рупрехта ему в грудь смотрело уже с полдюжины мечей и копий императорской стражи. И там, за дверью, позвякивала железом и заглядывала в дверь целая толпа закованные в латы рыцарей и окольчуженных оруженосцев.

Поздно! Теперь о том, чтобы прорываться из комнаты переговоров, нечего было и думать. Да и как прорываться, безоружному-то. А окошки-бойницы махонькие, узенькие – не протиснешься, не выпрыгнешь.

Мелькнула, было, безумная мыслишка принять последний бой, но... Бросаться на мечи, разбивая кулаки о латы... Глупо.

– Нашему гостю оружия не возвращать, – хмуро распорядился император. – Глаз с него не спускайте. Сбежит – головой ответите. Его людей взять под стражу. Всех. Ведьму, которую они сняли с костра – тоже.

– Что вы себе позволяете?! – пытался еще качать права Бурцев. – Я посол братства Святой Марии!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.